КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 16 ИЮНЬ 1991

ЭТО ОНИ УЗНАЛИ О НОВЫХ ЦЕНАХ НА МЯСО...

N·91

И. НОВИКОВ, Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО (тема).

«У меня убито восемь. А у вас?»

Стр. 4.

КРОКОДИЛ

№ 16 (2710)
июнь 1991

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

Учредители:
трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство ЦК КПСС «Правда».

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ (первый зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ (главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Редакция не рецензирует присланные литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 29.04.91.
Подписано к печати 08.05.91.
Формат бумаги 70 × 108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2 310 000 экз.
(1-й завод: 1—1 760 036).
Зак. № 478. Цена 75 коп.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий»
г. Свердловск, просп. Ленина, 49
Тираж 2 765 000 экз.
(3 завод 2 415 001—2 765 000).
Зак. 1842

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛА

Что ни говори, грустно стало жить, тускло. Становишься как дырявый мяч. Из дома выходить не хочется. Но надо, вышел.

Стиснутый в автобусе «бойцами продотряда», трясусь в Ленинград. Поездил по магазинам, ничего не купил: оскудела Северная Пальмира. На Обводном канале навстречу — молодой человек, через плечо бусы из рулонов туалетной бумаги, девушку под руку ведет. Осанка гордая. И, похоже, не догадывается, как комично выглядит со стороны. Ухажер с туалетной бумагой вместо цветов. Дай, думаю, подойду, намекну насчет вида (но может ведь и в ухо дать). Рискнул.

— Какой комизм?! Подфартило вот в универмаге.— Парень улыбнулся. Наш человек! Правильно все понимает...

Встречаю приятеля. Рабочий, но его линия с линией компартии разошлась, вышел из членов. Торопится, глаза блестят, щеки розовые. Полная сумка «Пшеничной».

— Запил, что ли?

— И не думал,— отвечает.— Спонсором работаю: талоны у ветеранов скупаю по пятерке, по десятке в магазине выкупаю, по тридцатке продаю. Помогаю брату-гегемону веселиться. По старой дружбе могу и тебе парочку продать. Не надо? Ну, бывай...

Зато нельзя не отметить, что по спичкам родное государство нас, в Светлогорске, победило: каждый уже по 600 коробков взял, а они все есть. В продаже. Наши психуют, до стрессов доходят: и тут, говорят, мафия — берем, берем, а они не кончаются. Вижу, соседка еще авоську тянет.

...Однако пора к своему телевизору возвращаться. Если не ограбят, не изобьют в подъезде, значит, сегодня повезло...

В. РОСЛОВ, инженер,
г. Светлогорск Ленинградской области.

●

КАК БАБУЛЯ ХОТЕЛА ВОЙТИ В РЫНОК

Времена нынче тяжелые, и я желаю всем личного и семейного счастья, благополучия — в завтрашнем дне...

Мне-то нечего о завтрашнем дне беспокоиться: молодой пенсионер, пенсию дали — 70 рублей, говорят, что еще прибавят. Но у меня тут рядом соседка живет. Бабуля 73 лет. Жалится: получала 34 рубля пенсии, теперь вот еще немного добавили.., а ведь 20 лет в колхозе проработала. Как век доживать? У нее, правда, овца есть, и подворье, и кот Барсик. Черный.

Так вот наслушалась бабуля про грядущий рынок. И что вы думаете? Заявила: «Вы живите, как хотите, а я объявляю суверенитет! Буду сама себе хозяйка». И разъясняет: «Овцу остригу — шерсть будет, а она сейчас дорогая, продам. У Митьки-соседа есть баран, у моей овцы будет приплод, а это еще шерсть и мясо... Проживу!»

Только бабуля просчиталась. Сосед, Митька, тоже не дурак: за использование своего барана с бабули такую цену «загнул», что старая ровно три дня заикалась и толком ничего нам объяснить не могла. Потом отошла немного, поостыла... «Нет, милок, не на то я замахнулась. Деньжонок маловато, и взять негде. Было когда-то золотишко, от матери осталось, да внуки растащили... Не про меня тот рынок».

Погоревала, погоревала, да и смирилась с судьбой. Только и осталось — пожелать ей здоровья.

Е. ДОРОГИН, инвалид II группы,
Калининградская область.

●

ЦИРК!

Это же просто кошмар! Ни в одном магазине нет трусов... Нашла старые, а в них резинки нет, как и в магазинах. И куда все это подевалось? Мужчины, к тому же, через одного и ботинки носят на босу ногу. Цирк!

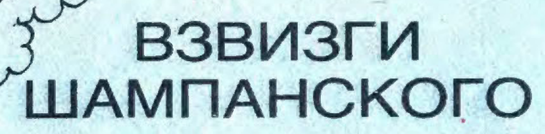
Посмотрела бы я на членов правительства без... носков и в трусах на подтяжках!..

Л. РЫБАЛКИНА,
г. Ростов-на-Дону.

●

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, В. ТИЛЬМАН (тема).

ВЗВИЗГИ ШАМПАНСКОГО

В свое время в нашем лексиконе прочно утвердилось понятие «враг народа». И пресса охотно живописала этот зловещий образ вредителя, шпиона, диверсанта, по вине которого у нас сталкивались поезда, гнила пшеница, дохли коровы, разваливались дома...

И сейчас вопрос «Кто виноват?» далеко еще не потерял своей актуальности. Ибо: поезда у нас по-прежнему сталкиваются, пшеница гниет, коровы дохнут, а дома разваливаются. И вообще жизнь наша в последние годы становится все скуднее и плоше.

На кого списать весь этот разлад и беспорядок? На неспособность полуразвалившейся административно-бюрократической системы управлять страной? Или на появление новых социальных слоев, новых экономических структур, новых политических течений?

И вот в массы, не уверенные в завтрашнем дне, истерзанные дефицитом, дороговизной, все чаще летит истошный вопль — нередко из уст местных властей и правоохранительных органов: «Ату их, этих предпринимателей, кооператоров, менеджеров, брокеров, арендаторов! Именно они виноваты, что все у нас сейчас поломано и развалено!»

Этот клич находит отклик — и немалое число граждан начинает закипать и наливаться жгучей ненавистью. А охотники разжигать общественную истерию готовятся подсчитывать дивиденды — в виде всенародной признательности.

Фельетоном «Взвизги шампанского» мы открываем серию материалов на эту тему (см. стр. 10).

«КАК БЫ ВЫЖИТЬ?»

«КРОКОДИЛ» СПАСЕТ СТРАНУ

Москвичка Светлана Вязова предлагает оригинальный и лестный для Крокодила способ выживания.

«Говорят, что пять минут смеха заменяют сто граммов сметаны,— пишет она.— Всем, кто хочет есть сметану еженедельно и в больших количествах, советую не потеряться в море новых изданий, а подписываться на «Крокодил». Выиграете и материально, и морально!»

Кто-то может возразить: дескать, сто граммов самой плохой сметаны стоит все-таки тридцать копеек, а это соответствует прошлогодней цене одного номера «Крокодила». Сейчас же журнал вздорожал, и материальная выгода от замены им сметаны не просматривается.

Но это поверхностный подход к проблеме. По нашим наблюдениям, многие читатели, штудируя «Крокодил», смеются десять — двенадцать минут. Вот уже цена и сравнялась. И еще одно существенное обстоятельство: сметану вы съедите — и ничего от нее не останется, кроме грязной посуды, а журналом можно пользоваться многократно, передавая его родственникам, соседям, коллегам по работе и любимым женщинам. И поэтому в масштабах страны предложение Светланы сулит нам сметанное изобилие.

Предупреждаем: кошки на замену не соглашаются в силу своей неграмотности.

Евг. ОБУХОВ

ИНСТРУКЦИИ ОТЕЧЕСТВА ЛЮБЯ...

Нет, я не вхож в торговую элиту.
И мой пиджак не вытачан из кож.
Мои черты из бронзы не отлиты.
Нет, я не вхож.

Не вхож в дворцы с колоннами под мрамор
И в те дома, где постовой. Ну, что ж...
И в то посольство (виновата мама).
И вообще во многое не вхож.

Не вхож с рожденья и не вхож доселе.
Как и не вхожа вся моя родня.
И в кафельном сверкающем бассейне
Плывут нагие дамы без меня.

Я тих и кроток, будто зять Мижуев.
Где «выход» — объяснять не надо мне.
А в остальном... Хозяйски прохожу я
По привилегированной стране.

Смотрю на мир открытыми глазами,
Инструкции Отечества любя.
И, не входя туда, куда нельзя мне,
Так силюсь я не выйти из себя!

Борис КОСЕНКОВ

ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ

По вечерам
в тревожном полусне
изобретаю,
на диване лежа,
как ухитриться
мне прожить в стране,
где жить нельзя,
но выжить можно
все же.

А по утрам,
расчетам вопреки,
опять туда бросаюсь
наудачу,
где каждый день
решают земляки
сию неразрешимую
задачу.

И к вечеру,
все силы положив,
ползу домой
и удивляюсь:
— Жив!..

ФЕХТОВАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Георгий ГРЕЧКО:

«КАК ИЗБЕЖАТЬ КОНЦА СВЕТА»

Всем известно, что настоящего космонавта отличают космические скорости, поэтому на этот раз в фехтовальный был переоборудован зал ожидания «Шереметьева-2», где космонавт Георгий Михайлович Гречко незамедлительно принял вызов на сатирический поединок до отлета в Нью-Йорк.

— Итак, Георгий Михайлович, до вашего отлета еще целый час. В старой песне — помните? — пелось о том, что «у нас еще в запасе четырнадцать минут». Как вы считаете, а сейчас по большому счету у нас у всех осталось еще хоть какое-то время на раздумье, на выбор решения?..

— Увы!.. По-моему, мы все давно уже летим. Причем «на честном слове и на одном крыле». Я бы даже сказал — на бесчестном слове!

— Что, по-вашему, в ближайшее время повысится в цене, а чего будет и даром навалом?

— Ну, навалом-то будет обещаний. А цена, безусловно, повысится на легковерных людей — их будет становиться все меньше, вплоть до острого дефицита. Надеюсь.

— Если налоговый бум будет прогрессировать, какие повинности ожидают нас в будущем?

— По-моему, налоговая система не будет расходиться с принципами, которыми не поступаются. Так все и пойдет — сверху донизу. Скажем, следующим мог бы быть вице-президентский налог. Потом — чтоб не обидно никому — премьер-министерский. И так до сельсоветов. А дальше уже можно переходить, так сказать, на личности. Вот хороший налог — на лысины...

— Помилуйте, а чем волосатые лучше, что без налога?

— Они хуже. Потому что в основном молодые, денег нет, что с них возьмешь? Сплошной убыток казне.

— Интересно, а чего вам в жизни не хватает?

— В основном предметов роскоши. Совсем недавно, правда, их называли предметами первой необходимости — зубная паста, носки, простите, трусы...

— Существует понятие «космос» в высоком смысле, как всеобщая гармония. Движемся ли мы к этому Космосу?

— Насколько мне известно, пока мы остаемся верными социалистическому выбору и коммунистической перспективе.

— В последнее время в магазинах начисто исчезли лампочки, подъезды не освещаются, в метро все чаще попадаются темные вагоны... Не связываете ли вы это с приближением конца света?

— Вполне может быть, тем более что к 1000-летию крещения Руси теологи, говорят, доказали, что конец света возможен и в отдельно взятой стране.

— Представьте, что конец света должен наступить, а вы можете вывезти на вашем корабле 10 человек и тем самым спасти их. Кого бы вы взяли с собой? И вот еще: какие три вещи вы захватили бы в качестве доказательства, что вы действительно из России?

— Даже за счет самого необходимого я бы предельно увеличил число «вывозимых». И максимально забил бы корабль членами правительства. И конца света бы не было! А что касается вещей, то нас узнают в основном по их отсутствию, а не по наличию!

— Чем отличается современное состояние космоса от современного состояния Земли?

— В космосе по-прежнему все одинаково теряет вес, а на Земле быстрей всего теряет вес наш рубль.

— И чем же все это кончится?

— Известно чем! Сначала мы увидим свет в конце тоннеля. А потом поймем, что это на нас надвигается поезд...

— А что внушает вам оптимизм?

— Фраза Жванецкого о том, что так смешно, как у нас, долго продолжаться не может.

С космонавтом фехтовала
Наталия ГРАЧЕВА.

И по закону сохранения вещества, и по закону сохранения энергии это верно: если у нас урезываются возможности для сохранения жизни — значит, расширяются возможности для происхождения смерти. Ввиду чего человек может быть убит: на одной из малых войн или полувойн в пределах страны или за ее пределами; он может быть запросто убит в расположении воинской части среди мирных армейских будней; человек может быть убит на дезорганизованном нашем транспорте — морском, речном, воздушном, железнодорожном, шоссейном; тьмы людей убиты травматизмом в разваливающихся наших промышленностях и индустриях; несть числа убитым провальной нашей медициной, лозунгом которой давно и по справедливости должно стать не привычное «не навреди!», а честное «не убий!».

Но не об этих убийствах речь, а о мирских, в нашем городском и сельском быту.

Прошли те времена, когда человек впервые в жизни попадал на похороны годам так к семнадцати, да и то особого трагизма в кончине не было, поскольку — девяноста двух лет — естественным путем отошла в мир иной троюродная бабушка Ксения, лежащая во гробе с добрым и ясным лицом.

Но все молодеет в нашем мире, как болезни, так и несчастья, и уже лет в семь попадает мальчик на первые в своей жизни похороны, и шестнадцатилетний родной брат его Игнат скрыт в гробу-оцинковке, ибо видеть его нельзя — так он изрублен цепями от бензопилы «Дружба» подростками с противоборствующей соседней улицы. И не знаю, как у вас, но меня тревожит, что все чаще из своей телефонной книжки я вычеркиваю людей с пометкой не «умер», а «убит». Подзащитный мой по фельетонной работе Абдулхамид Измайлов убит семью выстрелами из «ТТ» на пороге собственного дома, осталось одиннадцать душ сирот. Убит мой друг Санасар Мелконян в Армении. Убит в Москве мой друг прокурор Валерий Севрюгин... И кто-то убит у меня в Хабаровске, кто-то в Душанбе, кто-то в Тбилиси...

А уж тех многих, которых всего-то пытались убить, в телефонной книжке и не помечаешь. Вот в Ярославле только что хотели убить друга детства, шалопая, а ныне советско-китайского совместника Женю Воронина: имел он неосторожность, отстояв три часа в очереди, купить бутылку водки. После чего двое монстров с кинжалищами отследили Воронина аж у родного подъезда. Ну, убить за водку по нынешним временам — это почти извинительно, это скоро будет проходить в судах как обеляющий убийцу мотив. Или убийство за носки (безразмерные) с двойной синтетической пяткой. Или убийство за садовый насос «Кама». Или за прочую имущественность, когда во всех магазинах от пустоты — идеальный эффект эха и акустика образовалась получше, чем в итальянском «Ла Скала». Насчет убийства по имущественным мотивам очень точно написал поэт Холин:

Вчера у «Сокола»
дочку мать укокала.
Случилась драма из-за раздела вещей.
Такие вещи —
в порядке вещей.

И официальные наши органы очень держатся за это: да, граждане, убивают у нас, ой, убивают. Но убивают или по нечаянности, как в армии, на транспорте, в индустриях и промышленностях, или же убивают из-за вещей. А других убийств, по политическим, скажем, мотивам, по идеологическим, у нас нету, нету, нету! И наш Мартин Лютер Кинг, наш Александр Мень — он убит в лесочке на пути ко храму в рассветный час исключительно с целью грабежа. У священников большой метраж ткани идет на рясу, а с тканями теперь перебой. И вот волгоградский депутат, адвокат и правозащитник Л. В. Крупатин. На него только что произведено покушение (после удара кастетом на пороге своей квартиры все же остался он жив), но это обязательно с целью грабежа, а не ввиду блестящей работы депутата в комиссии по правам граждан.

И как выжить в таких условиях, как уцелеть? И раздаются голоса: а тише надо сидеть, бойкость свою прищемить — и останешься жив.

Но нет, вряд ли такая установка верна. И каждый из вас найдет примеры, что и в наитишайшем образе жизни нынче нету спасения. И живешь ты, допустим, как все, эдаким шестым экземпляром под копирку, работаешь себе пиротехником с правами пожарного на киностудии, семьянин, плательщик, сервант румынский, кухня польская, попугай русскоязычный, а к тебе все равно подходят двое и голосом толщиною с ногу, причем и немытую, велят средь российских сугробов покинуть свою одежду. А для катализа процедуры бьют трубой по голове.

Отчего же на родине стали так убивать?

Непередаваемо экзотична наша родина. Я окончательно уверился в этом, когда узнал, что в экзотическом списке должностей, порожденном нашей страной, есть даже такая — главный гинеколог бронетанковых войск!

Но еще до бронетанкового гинеколога, который, видимо, сажает клиенток в кресло башенного стрелка-радиста, еще во времена, как говорится, до без царя, всемирно был принят экзотический образ русского мирянина: эдакий голубоглазый добряк-медведище. А уж сильный, громадный, голубоглазый — этот не зол, не злопамятен, этот не убивает.

Кстати, о медведях, поскольку кстати о птичках уже все сказали. У нас, граждане, как это всем нам ни прискорбно, помельчали медведи в России. Да, ввиду отдаленности и труднодоступности на Камчатке еще уцелели полутонновые образчики нашего национального символа. Камчатские гиганты добры, их не раздразнить никогда, они первыми не нападают. Но все прочие медведи страны все больше становятся похожи на северобайкальских: щупл, дерзок, весом едва за центнер, нападает первым, причем не картинно, на дыбках, а люто, молниеносно, коварно — и вы покойник.

Узнайте с прискорбием, граждане, сколь бы вам ни твердили про акселерацию, что, в соответствии с академической медицинской статистикой, средний рост нашего соотечественника ныне едва превышает сто семьдесят сантиметров.

Конечно, была у нас эта людская порода — добрых голубоглазых медведей. Знаете Молоканский садик в Баку? По славянским молоканам так назван садик. И коль возникала по далеким старопрежним временам нужда в кормилице для младенца, только из молоканок брали в азербайджанские семьи кормилиц. Потому что все нравственное здоровье человечества несло в себе молоко молоканских женщин, а еще были в нем такие ферменты: истовой работящести, святой честности и главный молоканский фермент — не убий, не убий, не убий!

Ныне переименован Молоканский садик в центре города Баку. И события прошлых двух лет показали, что средь азербайджанских молодых людей нету более выращенных кормилицами-молоканками. Нету и самого этого голубоглазого славянского племени, исповедовавшего «не убий!». Именно за это объявил молокан вне закона наш товарищ Буденный — и наши мельчающие медведи именными золотыми шашками вырезали голубоглазых гигантов поголовно, набивая колодцы трупами женщин, стариков и детей. Как написано в «Конармии» Бабеля — «зарезали не забрызгавшись».

Дитя во всем свете и во все времена появляется на свет ввиду все тех же единственных, известных нам по Адаму и Еве соисканий. Но, культивируя «убий!», сколь тысяч способов отправления человека на тот свет изобрело и изобретает человечество! Я изучал лютовство по историям войн. И, нет, нигде в мире так не зверствовали чужие против чужих, как свои против своих, чему страшный пример — та же Французская революция. У моего друга, киргизского писателя, хранится в шкатулке волосяная веревка. Такой стреноживают лошадей, и я сказал другу: зачем в таком почете ты держишь трынки? И он рассказал мне, как в девятнадцатом году, по идейному несогласию, его отца схватили другие киргизы. Изобрели они вот что: примотали человека к колоде и три дня не давали есть, чтобы потом он активней глотал. Потом ему разжали рот палкой, протолкнули в пищевод кусок бараньего сала, сала, к которому привязана веревка из конского волоса. Потом дали слабительного. А когда, ввиду слабительного, появился из человека второй конец веревки, пастуха и сельского активиста, дергая за концы веревки вверх-вниз, распилили на две половины. А в Белоруссии, под Минском, не гестаповцы придумали одну знатную штуку, а наш соплеменник пришел к гестаповцам и сказал: ужасно видеть, господа гестаповцы, как вы мучаетесь, добиваясь у красных офицеров про их военные тайны, а они все молчат и молчат. Я для облегчения вам придумал...

И привезли из горбанка сейф, годный для многоразового спецпользования. И в сейф, для варения на пару, предварительно обернув тряпками и облив водой, помещали наших солдат и офицеров.

А под Джамбулом не так уж давно несколько бандитов стандартно-ритуальным способом зашили подельщика из неверных — разом со всех сторон вонзив в него ножи и на ножах подняв тело в воздух.

Простяга Уинстон Черчилль, всего-то увидев россиянина, в январскую стужу пожирающего на улице эскимо, по такому микроскопическому факту вот что глубокомысленно заключил:

— Нет, эту страну победить нельзя!

Интересно, какую крылатость сказал бы про нас президент Буш, ознакомь мы его с историей, на днях случившейся в просвещенных Люберцах. Где солдат из стройбатовской части пошел в увольнение, и сразу за воротами части солдата пригласил к себе в гости местный житель, отметим — вменяемый. Дома он солдата убил и отрезал голову. Шапку с головы снял, поскольку в шапке голова не умещалась в кастрюлю, поставил голову вариться на студень. А тело солдата перетащил квартиросъемщик в ванную комнату, разделал, складировал в ванну и засолил.

Честь и хвала милиции — убийство было мгновенно раскрыто. А наши прапорщики в армии — бывалый и стойкий народ. Но пришедшего с опознания прапорщика было не узнать.

— Братцы,— кричал он, стараясь забиться в темноту,— братцы, как жить-то, что же мы за народ, братцы...

Да уж такой мы народ, помельчавших медведей. И старушка Европа, как Восточная, так и Западная, уже лихорадочно готовится к тому времени, когда будет принят закон о выезде из СССР, после чего тысячи тысяч наших сограждан двинутся за границу. И, аккуратно просчитывая, сколько в рядах этих людей будет квалифицированных рабочих, характерных танцовщиц, косметологов, жидкотопливных кочегаров, солидные буржуазные организации без ложной застенчивости и с полярными степенями заинтересованности предсказывают, что в несметных толпах выходцев из СССР «будет большое количество дешевых убийц».

Ну, это, конечно, отрадно, что уже не у нас какой-нибудь бывший ударник коммунистического труда Трифонов будет перед варкой снимать с отрезанной головы аргентинского гаучо сомбреро, потому что с этим сомбреро голова не лезет в казанок. Это, конечно, обнадеживает, что уже не нашего военнослужащего, а какого-нибудь гауптмана бундесвера возле армейского поста «Чек Пойнт-Чарли» схватит какой-нибудь бывший наш мокродел Леха Чардынцев — и уже не вульгарно засолит, а, по возросшей в эмиграции культуре, замаринует. Но ведь не все душегубы покинут нас! Березки, бормотуха, пространства Среднерусской возвышенности, вобла, «Спартак»— многие «патриоты» останутся! И что же нам делать? Как уцелеть?

Наша милиция, десятилетиями зашоривая нас и запугивая тяжкой ответственностью за превышение пределов необходимой самообороны, всегда говорила так: ни-ни, граждане, и думать не смейте о какой-нибудь там самообороне или самозащите. Вот пусть вас сначала убьют, а уж мы потом разберемся. Ведь может случиться, что бандит, стоящий на пороге вашей квартиры, всего только хотел вас оглоушить, а вы его пестиком от ступки на тот свет... Так говорила и говорит милиция. Но мне очень отрадно, что массам наших граждан становится все более отвратительной мысль сначала быть убитыми, а уж потом милиция... Граждане начинают сами стоять за себя...

Другое соображение состоит в том, чтобы мы перестали колотиться в истерике по поводу грозящих нам черных дыр, парникового эффекта, пришельцев, атомной энергетики, исчерпаемости земных недр. Чтобы мы перестали колотиться и прислушались не к премьеру Павлову, который так привычно и бодро снова призывает нацию впрячься в тяжелые индустрии, а к людям, которым получить трибуну значительно труднее, чем любимцу Политбюро. Эти люди — всесоюзные детские неврологи. Они тихими голосами говорят про то, чему мы первее всех индустрий должны уделять внимание,— про общенациональную катастрофу, в которую мы уже вошли и в которой тонем. И один такой детский невролог, очень давно знающий меня, сказал:

— Вы родились здоровым волчонком, и, хотя и росли на задворках общества, из вас вышел прок. Но когда волчонок проходит по разряду плохорожденных, когда он, в чем виноваты родители, по рождению не столько волчонок, сколько водчонок, да при этом еще растет на задворках — общество ждет беда. И развитой тяжелой индустрией, как ее ни развей, потом не приструнить и не обуздать генерацию взрослеющих людей с белесыми, как у хищных птиц, глазами и, мне это видится как кошмар,— с формирующимся вертикальным зрачком.

Так говорят детские неврологи, точно видящие нашу завтрашнюю национальную перспективу. В которой любому взрослому человеку мало знать, что уж он-то лично будет свято придерживаться наиглавной заповеди — «Не убий!», но он же в ответе за то, чтобы рожденный им ребенок жил по той же родительской заповеди, как некогда у молокан. А коли нет в этом уверенности, то взрослый с той же верностью, с которой он придерживается «не убий», должен сказать себе: «Не зачни!»

В. ПОЛУХИН.

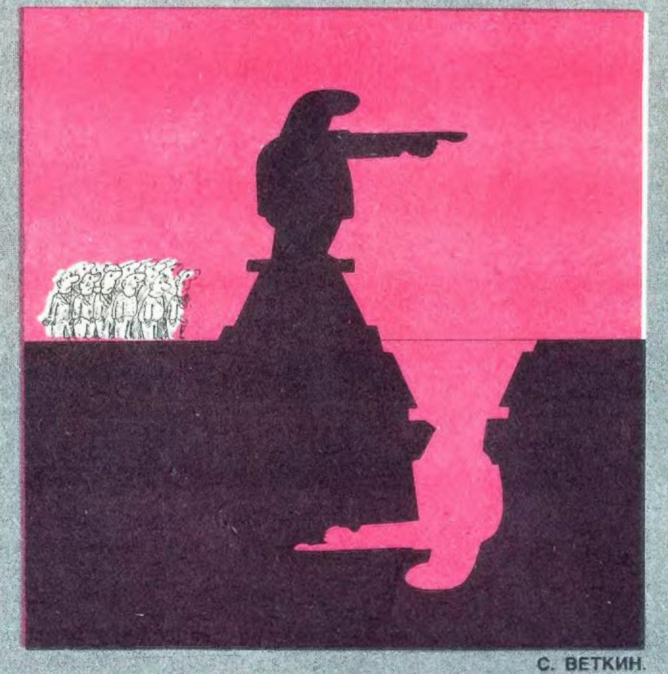
— Двоим нам метро теперь накладно.

В. ЛУГОВКИН, Р. ДРУКМАН (тема).

— Только на одну пару обуви и хватило денег...

Р. ДРУКМАН.

С. ВЕТКИН.

— Несу бабушке ее новую потребительскую корзину.

В. ВЛАДОВ.

Юрий БОРИН

«ЧРЕЗВЫЧАЙКА» В ГЕНОКОДЕ,

или Апрельские тезисы 1991 года

Аккурат за неделю до повышения цен в «Крокодил» позвонил читатель:

— Слушайте, в овощном магазине № 35 по улице Героев Панфиловцев выбросили помидоры. Немедленно приезжайте с фотоаппаратом!

— Помидоры ранней весной? — удивился сотрудник редакции.— Но это же прекрасно! Приедем обязательно и с фотоаппаратом, и с авоськой.

— Вы меня не поняли,— хмуро сказал звонивший.— Их выбросили не на прилавок, а на свалку. Двадцать тонн квашеных помидоров. И сейчас толпы людей бросились туда выбирать еще не сгнившие...

О Господи! Наша торговля в своем репертуаре. Сперва прячут товар от покупателя, а когда испортится, выбрасывают на помойку. В общем, рядовой факт нашей обыденщины. Правда, с одним нюансом: торговцы, по-видимому, ждали повышения цен, а помидоры ждать не стали. Они, помидоры, не подчиняются ни правительственным решениям, ни законам высших властей. На них действуют только законы природы.

Жаль все-таки. Двадцать тонн — это ж сколько людей можно накормить. И сколько денег выручило бы родное государство!

А ведь, судя по всему, государству ой как нужны деньги. Ведь прорехи в бюджете растут, словно озоновые дыры, не по дням, а по часам... И тогда союзное правительство предприняло смелый шаг. Не случайно, по-видимому, этот шаг был приурочен к Дню смеха.

Насмеявшись вдоволь на первоапрельском телешоу «Аншлаг! Аншлаг!», затянувшемся за полночь, страна поутру получила сюрприз.

Нет, сюрприз не был неожиданным, его ждали, но... И тут мне хочется привести одну цитату из выступления первого лица государства. Вот что было сказано в марте 1989 года: «Ко всему, что касается розничных цен, товарищи, надо подходить очень ответственно... На каком-то этапе после дискуссий в обществе мы пришли в выводу, что сейчас цены не надо трогать. Ибо это было бы попыткой решить вопросы, действительно реальные, только за счет цен, даже, возможно, за счет интересов людей. Они бы такого шага не поняли. Мы еще не насытили рынок товарами, продовольствием. Еще не приняли кардинальных мер по наведению порядка в финансовом положении страны... Надо два-три года поработать, с тем чтобы оздоровить ситуацию — это касается экономики, финансового положения, вообще рынка. И только тогда мы можем ставить вопрос о ценах».

Наше любимое правительство, надо полагать, решило, что 2 апреля 1991 года, то есть ровно через два года, финансовое положение страны стало могучим, рынок товарами и продовольствием насыщен под завязку, и можно приступать. Тем более что телевизор нам изо дня в день показывал: склады ломятся от товаров, закрома Родины полным-полнехоньки. Словом, премьер-министр сказал: «Поехали!» — и махнул рукой.

То, что произошло дальше, лучше изложить тезисно и хроникально.

Шахтерский «горячий» центр Кемерово. В магазинах шаром покати. Только в булочных кипит жизнь: продаются батоны по 60 копеек и пряники почти по 3 рубля.

Челябинск. Пусто даже в булочных.

Москва. В кондитерской на улице Чехова выброшена на помойку партия тортов. Цены такие, что их никто не покупает, а срок хранения истек.

Московский метрополитен недобрал в апреле 6,5 млн. рублей по сравнению с тем же месяцем прошлого года. Причина: повышение цены за проезд втрое.

Свердловск. Школьные завтраки стали родителям не по карману. Отмечаются случаи голодных обмороков у школьников.

Словом, как выражаются подростки, цены стали офигенными. Но и по офигенным ценам мало что продается. В комиссии по торговле Ленсовета корреспонденту сказали, что надеяться на какое-либо изобилие не приходится. В Ярославле торговый начальник заявил, что «товарной массы у нас практически нет, все до нитки распродано до повышения цен». А заместитель министра торговли всего СССР прямо рубанул: «Надежды, что реформа цен автоматически приведет к наполнению рынка, несостоятельны. Надо перестать, наконец, пребывать в ожидании неведомо чего и начать работать».

Позвольте, но ведь государство хотело получить деньги! И мы даже приготовились было их заплатить, выгребая из чулка и снимая с вкладов последнее. Дайте хоть что-нибудь. Хоть пару носков и пару башмаков. Где ваше обещанное изобилие? Где товары?

Нету и не будет. Да и откуда оно будет, если производство все падает, а реформа цен, по мнению специалистов, не может это производство поставить на ноги. Спрашивается, зачем повышали цены? И на что — на несуществующие товары?

На следующий после повышения цен день рабочие Минска вышли на улицу. «Тишайшая» республика вдруг забурлила. Ну, уж если Белоруссия поднялась, значит, дело худо.

А правительство Павлова, определив, что дефицит государственного бюджета, запланированный на конец года в размере 26,7 миллиарда рублей, уже к началу апреля подскочил до угрожающей отметки в 31,1 миллиарда, запросило **чрезвычайных полномочий.**

Чрезвычайные полномочия! Как это знакомо. До боли, до слез. Чрезвычайные меры, чрезвычайные комиссии, чрезвычайное положение... Без этого мы, видимо, не можем существовать. «Чрезвычайка» заложена в генетическом коде нашей системы. Мы не в состоянии просто жить, просто работать — у нас или спячка, или штурм. Мы штурмуем план, штурмуем небо, штурмуем прилавки. Через 74 года после знаменитых Апрельских тезисов, в которых обещано возрождение страны, эта страна превращается в руины. Таков апофеоз штурмовщины.

Я не знаю, какие «чрезвычайные меры» предпримет Кабинет министров, но то, что это будут **кабинетные** меры, я уверен. Может, добавят еще парочку контрольных органов, сочтя, что одной недавно учрежденной Контрольной палаты маловато. Или придумают еще какой-нибудь хитроумный налог. Ведь уже сегодня, помимо объявленного «президентского», взимается с трудящихся необъявленный «социальный». Да мало ли задумок у нашего дорогого правительства... Одно я знаю точно: полки наших магазинов украсят новые ценники, взглянув на которые даже взрослые люди начнут падать в обморок. Ибо денег уже не будет хватать даже у самых высокооплачиваемых.

А может, и верно — не в деньгах счастье? Но тогда в чем оно? Где то счастье, о котором трещали нам все 74 года?

И в заключение — еще одна цитата. На этот раз из Адама Смита. Да-да, того самого, которого, если верить Пушкину, читал Евгений Онегин. Так вот, Адам Смит еще в XVIII веке писал: «Великие народы никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти».

Как в воду смотрел!

А. БАВЫКИН, г. Мурманск.

КЕНАР

Без неба, без ветра, без ветки,
Без красок и звуков живых,
Рожденный и выросший в клетке,
Он пел для хозяев своих.
Он был в своей жизни короткой,
Не зная житейских забот,
Уверен, что мир за решеткой,
А он на свободе живет.

РАЗНЫЕ ВКУСЫ

Они в поэзии и в прозе
Искали долго и всерьез:
Один — жемчужину в навозе,
Другой — средь жемчуга навоз.

У КАРТИНЫ ШИШКИНА

Встали кедры, как прежде, звеня,
Хоть давненько их песенки спеты.
Словно в раме совсем не Земля,
А пейзаж неизвестной планеты.
Вьется речка, светла и чиста,
Вдалеке от XX века:
Сразу видно, что в эти места
Не ступала нога человека.

УБЕЖДЕНИЕ

С утра до ночи
Город осажден
Каким-то очень дымным
Предприятьем:
Его директор
Прочно убежден,
Что дым отечества
Нам сладок и приятен.

ПОДЗЕМНЫЙ ПЕРЕХОД

Пока в верхах и млад и стар
Ведут ученую волынку,
Шумит базар, гудит базар —
В подземном переходе к рынку.

РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Было гладко на бумаге,
Да забыли про овраги.
А. Суворов.

Как тут помнить
Про овраги,
Если даже
Нет бумаги!

КАЖДОМУ — СВОЕ

Застряла телега
У края откоса,
Потеют бригады
В труде и в смекалке:
Покуда одна
Починяет колеса,
Другая — уже
Заготовила палки.

ПРИДВОРНАЯ СЕМЬЯ

Это — дворик. Это — домик.
Это — самый главный гномик.
Вот — коровка, вот — бычок.
Трактор и грузовичок.

Вот — придворная семья:
Дочь, жена и сыновья.
Младший смотрит за бычком,
Старший — за грузовичком.
А за тракторным рулем
Восседает главный гном.

Дочка смотрит за коровкой,
Занимается готовкой,
А мамаша-гномка —
В доме экономка.

Рано утром на базар
Отправляется товар.
В город едут постоянно:
Масло, творог и сметана,
А из города назад —
Хозтовар и мармелад.

Нет начальников у гномика,
А какая экономика!

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПРОГРАММА

Давайте мы все
О работе забудем —
Давайте друг другу
Завидовать будем!
Завидовать будем
Чужому барану,
Чужому таланту,
Чужому карману!
У зависти нашей
Энергии много,
А это такая
Большая подмога,
Что скоро при помощи
Этой подмоги
Возникнут жилища,
Мосты и дороги.
Мы будем завидовать,
Лежа на печке,—
И сразу возникнут
Молочные речки,
Созреют на дереве
Белые булки;
Взойдут в огороде
Колеса и втулки.
Мгновенно закончится
Наша проруха —
И тут же начнется
Такая житуха,
Что лопнут со всею
Своей колбасою
Соседи от зависти
К нашему строю!

НИ ШАГУ НАЗАД!

Сдаваться магазину не желая,
Стояла насмерть очередь живая.
А продавщицы в магазине этом
Что привезут — держали
под секретом.
И пусть не знала очередь секрета,
Но знала, что умрет в борьбе за ЭТО.

В МАГАЗИНЕ «ДАРЫ ОСЕНИ»

Мы пашем, и сеем, и косим,
Чего ж в магазине пустом
Стоит обнаженная осень,
Стыдливо прикрывшись листком?

СМОТРЕЛИ ДАЛЕКО

Мы таланты не губили,
А смотрели дальше всех:
Те, что выставлены были,
Принесли стране успех.

ИТОГИ

Сколько раз на избранной дороге
(Трудно перечислить, сколько раз)
Гордо подводили мы итоги,
А итоги подводили нас.

В. ДУБОВ

ВОКРУГ ШЛЯПЫ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Заведующему тока
тов. Токареву

Прошу выдать уполномоченному тов. Шмелеву два центнера соломы для приготовления пищи.

Председатель колхоза».

(Речь шла о топливе).

Прислала В. Шайдрова, г. Самара.

«Носки продаются только по предъявлении свидетельства о смерти».

(Из объявления в универмаге).
Прислал В. Собачевский, г. Курган.

«Смотрю, а сестра возвращается с испуганным восторгом».

(Из объяснения свидетеля).

«Она была для мужа бикфордовым шнуром».

(Из характеристики).

«В ночь на 5 августа гражданин Щукин, будучи в нетрезвом состоянии, привел к себе на квартиру ранее не знакомую женщину, которую оставил утром на квартире, а когда через некоторое время вернулся, то в квартире ее не застал, а обнаружил, что пропал его магнитофон марки СИГМА ВЭФ, приобретенный с рук в 1985 году за 150 рублей.

При таких обстоятельствах в действиях неустановленной женщины состава преступления, т. е. кражи, не усматривается, так как в квартиру она была приглашена владельцем и завладение ею магнитофоном следует расценивать как плату за проведенную ночь, поэтому в возбуждении уголовного дела отказать».

(Из постановления об отказе в возбуждении уголовного дела).
Прислал Л. Носов, г. Черняховск.

«В депутатскую комиссию по обмену денежных знаков

Заявление

Прошу вас обменять мне 200 (двести) руб., так как вышеуказанную сумму я хотел использовать для ремонта зубов своей головы».

Прислал М. Нетков, Одесская область.

«В ресторане выпили со знакомым парнем, наглядно знаю его по стакану вина».

(Из протокола допроса свидетеля).
Прислал В. Мощенков, г. Брянск.

«Чистоту соблюдай
Везде и всегда,
Женщиной будешь
Только тогда!»

(Объявление в родильном доме).
Прислала М. Малова, Вологодская область.

«Продается пшеница, проживающая по улице Агрономическая № 15».

(Объявление).
Прислала И. Савенко. г. Александровск.

Валерий ПОВОЛЯЕВ

МИЛЛИОНЕР

Рассказ

Натура русская такова, что мы любим хвалиться друзьями, охотно рассказываем о них, смакуем достоинства, равно как смакуем и недостатки, часто примежевывая к недостаткам друзей недостатки свои,— это очень естественно.

Есть у меня один друг, литератор, живет он в Сибири. Многие с ним знакомы — одни дружны, другие, напротив, находятся в стадии тихой войны, но, как бы там ни было, и те, и другие, несомненно, узнают его в этом рассказе. Для тех, кто не знает, я не буду называть фамилию. Назову только отчество — Григорьич.

Как-то мы вместе с Григорьичем побывали в одной командировке. В очень интеллигентном городе. Этот город расположен на Неве.

Приехали мы туда затяжной, очень угрюмой осенью на шумную и бестолковую конференцию — мы боролись за мир. Словами, множеством слов, длинными, километровыми речами. Устав, обедали, а после обеда снова боролись за мир до вечера, потом объявляли перерыв до утра.

Жили мы в громоздкой, но очень ладно сработанной чужими трудолюбивыми руками — кажется, нанятыми в Финляндии — гостинице, где наши люди почти не живут — только иностранцы, и построена была гостиница для иностранцев: тщательно, стык подогнан к стыку так, что комар носа не подточит, а уж тем более не пролезет, чистые темные окна выходили на набережную, на рябую холодную воду Невы, по которой с опаской ползали мелкие речные пароходики, справлявшие обычную трамвайную службу. Нам еще оставалось бороться за мир дня два, когда мы изнемогли и решили сходить в баню — прямо в гостинице,— борьба борьбою, но надо и помыться, и бельишко, пропотелое, замызганное, простирнуть либо сдать в прачечную. В бане имелось несколько водяных пушек, четыре душа, два туалета, небольшой бассейн, в котором плавать, к сожалению, никак было нельзя — не разбежишься, а вот постоять, почесать грудь было можно.

Баня была расписана от и до, по часам и минутам, с улицы в нее не мог войти никто, даже если он предъявит справку, что является участником Куликовской битвы,— баня обслуживала только гостиничных постояльцев, только иностранцев, и только своих, и все равно своему в нее еще надо было втиснуться.

Мы втиснулись. Помог Сергей Иванович Магер, главный бухгалтер Союза писателей, все эти дни с грустью глядевший на нашу толкучку,— он нашу борьбу за мир оплачивал и суммы подмахивал такие, что лицо его делалось вытянутым и бледным.

Решили пойти в баню следующим, значит, составом — ничего не скрываю, ни одной фамилии: Сергей Иванович, поскольку без него нас в баню бы никто не пустил; умный и спокойный, как кипчак, степной воин — поэт Олжас Сулейменов, Геннадий Толмачев — главный редактор толстого журнала из Казахстана, и я — четыре человека. А мест в бане было шесть.

Я вспомнил, как днем сутулился и скрипел простуженными костями Григорьич.

— Кто это такой? — спросил Олжас.

Я пояснил.

— Хоп! — сказал Олжас.— Пусть одним хорошим человеком будет больше!

Жил Григорьич в Тюмени, жил своеобразно, одевался своеобразно и внешность имел своеобразную, запущенную, дикую для защитника мира. Перепутать его нельзя было ни с кем: седая библейская шевелюра, богато завитая и пышная, как стог, широкая борода, набитая разным застрявшим мусором — махоркой, крошкой, горелыми спичками, сколько Григорьич ни вычесывал сор из бороды, так ни разу до конца не вычесал; мясистому носу его мог позавидовать горный козел, я уже не говорю о крупных гордых орлах — он был великоват даже для Григорьича. Рот Григорьич тоже имел выдающийся — этакий карстовый провал, вмещавший в себя столько, что рядовой, лишенный фантазии человек даже предположить бы не мог. Крупное, кое-как обтянутое тканью волосатое пузо почти всегда светилось в прорехе рубахи, снизу пузо тоже было обнажено сползшими до самого лобка штанами. К штанам Григорьич прикреплял помочи, похожие на самолетные ремни, которыми привязывают пассажиров во время взлета и посадки, опухшие, поморoженные ноги он всовывал в башмаки пятидесятого размера с кривыми каблуками и сбитыми задниками...

Баня была записана за нами с семи до десяти вечера, встретиться договорились без десяти семь. Внизу, в вестибюле гостиницы. Когда я спустился в вестибюль, то увидел там Олжаса и Толмачева — они прибыли минутой раньше меня, оба с модными чемоданчиками-«дипломатами», одетые с иголочки: в кипенно-хрустких, хорошо отутюженных рубашках, при галстуках, повязанных небрежно, мягким крупным узлом, в костюмах с искоркой, при платочках, деликатно выглядывающих из наружных кармашков, словно бы готовые к выходу в большой свет, на прием к членам правительства.

Среди блестящих, будто бы сошедших с дорогих магазинных витрин иностранцев они выглядели своими. Следом появился Сергей Иванович — ладный, улыбающийся, в дорогой кожаной куртке, в руке у него был тоже «атташе»-кейс. Не было только Григорьича. Он опаздывал.

— Девятнадцать ноль-ноль.— Олжас сверил свои часы с гостиничными.— Может, твой приятель уснул в лифте? — спросил он у меня.

Доля истины в этом предположении была — Григорьич обладал феноменальной способностью засыпать где угодно, в любой позе, мгновенно, глубоко — не растолкать, часто в местах, где спать не очень-то принято: на заводе при посещении токарного цеха, прислонившись головою к станине какого-нибудь грохочущего агрегата, на совещании у большого начальства, где видны глаза каждого, все как на ладони, в ресторане за обедом, у редактора, внимательно глядя на него сквозь стекла очков и кивая головой,— так с кивающей головой Григорьич и уносился в объятия Морфея. Лучше всего ему спалось сидя. Положений сна при «способе сидя» у Григорьича было два: одно, когда он свешивался головой вперед; другое — когда откидывался назад; в первом случае он терял очки — они шлепались ему прямо под ноги, во втором храпел. Храпел так оглушительно, что рев четырехмоторного чудища, идущего на взлет с полным брюхом, или грохот модного оркестра, который можно слушать только с открытым ртом, чтобы не выдавило барабанные перепонки,— это было просто чем-то несерьезным перед храпом Григорьича. Не звук, а полузвук. Храп Григорьича — вот это уже настоящий звук.

Прошло еще десять минут, а Григорьича все не было. Олжас выразительно постучал ногтем по циферблату часов:

— Видать, кони встали!

В вестибюле народу стало больше: часть — наши, с симпозиума, принарядившиеся к вечеру, часть — иностранцы, нацелившиеся провести время в ресторане, часть — приглашенные ленинградцы, изысканная публика с утонченным вкусом, знатоки театра и литературы,— все, кто угодно, словом, кроме Григорьича.

Наконец по каким-то неведомым признакам, по особому скрипу и лязганью лифта, что ли, я вдруг почувствовал: едет! И верно! Лифт с железным стуком приземлился, из зеркального нутра его важно выплыли два иностранца в безукоризненно сидящих смокингах, потом вышла изящная дама с бриллиантами в ушах и на шее, благоухающий дипломат с незажженной сигарой во рту и последним — Григорьич.

Наряд его достоин описания, он несколько, скажем так, отличался от вечерних костюмов и смокингов иностранцев. Одет Григорьич был в зеленые байковые брюки — кажется, больничные, которые он, по-моему, из больницы и прихватил, когда обследовал там свой мочевой пузырь,— широченные штаны эти с висящим здоровым задом с 50-х годов не знали корыта с мыльным порошком, как не знали и утюга, на тело была натянута салатовая майка «Ну, погоди!»; маломерная майка эта не доставала до штанов, и было видно волосатое розовое пузо. Сверху, чтобы не простудиться после бани, Григорьич надел вязаный, морковного цвета жилет с крупными пальтовыми пуговицами. Жилет был косо, на разные петли застегнут, одна пола острым углом загибалась книзу, другая сиротливо приподнималась.

Босые ноги Григорьича украшали роскошные драповые тапки неведомого покроя и возраста. Наверное, Григорьич ходил в этих тапках еще до войны. Цвет их тоже был неизвестен. Во всяком случае, тапки кожисто блестели — похоже, Григорьич однажды решил обновить их и почистил черным сапожным кремом. Обувь эта служила ему честно, большие пальцы ног прогрызли в драповом верхе дыры, это было удобно — дыры: тапки не спадали с ног, большие нестриженые пальцы держали их прочно. В руке Григорьича болталась обыкновенная авоська, с какими мы обычно ходим в магазин за картошкой; иностранцы, никогда не видевшие наших авосек, заволновались, начали с интересом разглядывать сетчатую сумку, но на Григорьича их волнение не произвело никакого впечатления. Авоська была основательно нагружена. Из нее торчала мочалка, в рваную, промасленную газету была завернута копченая рыбеха неведомого происхождения с продавленными глазами и крючковатым орлиным носом, имелось еще полбуханки хлеба с выеденным нутром, мутный граненый стакан, длинный, как колбаса, вялый огурец, переломленный пополам, бутылка водки с отодранной этикеткой, чтобы никто не догадался, что это такое, и четыре бутылки пива; сверху еда была прикрыта большими сатиновыми трусами, размером с магазинный тент.

— Вот и я! — объявил Григорьич и подтянул штаны.

Появление его произвело глубокое впечатление — так, кажется, иногда выражаются опытные газетчики — в вестибюле никто не проронил ни слова.

В бане приятно пахло мятой, чаем, баранками, была она какой-то домашней, уютной — на столе мирно попыхивал самовар, в витой соломенной тарелочке лежали конфеты и печенье, в мельхиоровых подстаканниках красовались чистые стаканы.

— Верса-аль,— потрясенно протянул Григорьич.

В нашем распоряжении было примерно полтора часа — за вычетом времени, которое съел Григорьич, катаясь в лифте,— и мы отвели душу: попарились, опорожнили авоську, выпили пиво и водку, съели рыбу и огурец — все это здорово пришлось к месту, наговорились вдоволь: в банях всегда решаются глобальные вопросы — быть ли Намибии свободной и допускать ли американцев до Панамского канала, резкой критике подвергли позицию консерваторов в английском парламенте, попробовали подсчитать виды на урожай кофе в Бразилии и бобов на Гавайских островах, с завистью обсудили новые книжки своих друзей.

Григорьич даже под пушку залезал с мокрой вонючей папиросой, нелепо торчащей из огромной, сырой, совсем не обвядшей в бане бороды, вылезал оттуда и садился на скамейку, двигал густыми черными бровями и громко скреб свое резиновое пузо.

— Что за состав? — деловито осведомился Олжас, показав на бороду Григорьича.

Григорьич вопросительно поднял брови.

— Какая химия?

— Один мой друг брал пробы.— Григорьич расставил в стороны огромные ноги, занятно пошевелил пальцами.— Оказалось, пятьдесят процентов шерсти, сорок процентов синтетики и десять процентов железной проволоки.— Он вдруг мирно клюнул носом, колыхнулся всем телом и медленно пополз вперед. Олжас хотел было кинуться к нему, подхватить, но оторопело замер: Григорьич сам справился с собою — сработал эффект очков. Они сорвались с мясистого крючковатого носа, полетели вниз, на метлахский пол: Олжас немо охнул — разлетятся ведь в брызги, а с очками сейчас целая проблема — ни купить, ни достать по блату, ни вставить новые стекла, но у Григорьича на этот счет все было отработано. Пока очки летели, он успел проснуться, проворно подставил под них руку и медленным величественным движением вернул назад.

— Так о чем мы тут говорили? — спросил он.— Об урожае? О лени? О зависти? — Увидев, что Олжас остановил взгляд на его густой ассирийской бороде, захохотал.— Клопы в этих зарослях не водятся, а мыши — бывает. Так о чем я бишь? Ах, да — о хороших людях. Хороший человек всегда ищет в другом человеке хорошее, плохой — плохое, но и хороший человек и плохой идут вперед, толкают прогресс, следят за пищеварением друг друга, одновременно садятся за стол и пишут хорошие рассказы — впрочем, это бывает редко, хорошие доносы случаются чаще.

— Все люди грешны, как в старой библейской легенде про блудницу, открыто показавшуюся на честном народе,— сказал Олжас.— Блудницу хотели забить — грешна все ж и неверна и дальше ведь блудить пойдет. Действительно, а не забить ли ее камнями? И тогда Христос сказал: пусть первым в нее бросит камень тот, кто сам не имеет греха. Люди задумались, а есть ли среди них такой, кто не имеет греха? Оказалось, нет. Все люди грешны. Все без исключения.

— Самый большой грех — возжелать зла другому,— Григорьич шумно вздохнул, колыхнул животом,— а у нас это возведено в разряд добродетели. Каждодневной, что ни день, то благодаренье, то подарочек. В первую мировую войну летчики скупали чугунные сковородки и обвешивали ими сиденья, чтобы не подцепить пулю снизу, с земли, или сбоку, с какого-нибудь другого самолета, с «фармана» или с «ньюпора». Мне тоже часто бывает охота купить десятка два сковородок и обвешаться ими со всех сторон. А потом пусть бьют, пусть стреляют, весь свинец — рикошетом.

— Здравая мысль,— заметил Олжас,— хорошая броня всегда нужна. Особенно на писательских собраниях. Сидят и кушают бойцы товарищей своих...

— О-о, эти наши писательские собрания! — патетически воскликнул Григорьич.— Никто из посторонних представить себе не может, что там происходит. Хотя кое-кто со стороны должен обязательно бывать на этих собраниях. Чтобы увидеть цвет писательских лиц.

— Институт собраний вреден для здоровья.— Олжас усмехнулся: он хорошо знал, что говорил, и был к любителям собраний безжалостен.— Нет более пустых и ненужных людей, чем те, кто обожает пошушукаться с соседями по ряду, пустить в тишину зала сплетенку, выломить руки коллеге и оплевать кого-нибудь. Внук как-то спросил своего седобородого деда: «Как ты дожил до ста лет?» Тот ответил: «Никогда в жизни не ходил на собрания».

— Собрания никогда в человеке не воспитывали порядочности!

— Зато воспитывали другое: подлость, склонность к коллективным доносам, стяжательство и наши с вами любимые зависть и лень.

— Лень и зависть! — Григорьич похлопал огромной толстопалой ладонью по рту, зевнул.— Давно так много и так сладко я не говорил. Не пора ли нам еще на полок сходить? По последней. А? Ну а для писателя,— он сладко зевнул,— главное — писать. Топтать, конечно, будут, особенно если написать что-нибудь хорошее. Так будут топтать, что станет слышен хруст костей. Ну и пусть, собственно! Пусть! У нас испокон веков находились люди, которые топтали гениев. Топтали Платонова, топтали Бабеля, топтали Маяковского и Есенина. Но насчет затоптать — сейчас топтуны не те. Вот если писатель перестанет писать, тогда действительно затопчут. Обвинят хрен знает в чем, во всех смертных грехах. Но между «топтать» и «затоптать» слишком большое расстояние, его еще надо одолеть.— Григорьич поднялся, ткнул себя кулаком в живот и зашлепал к водяной пушке размяться перед парилкой.

Время пролетело стремительно. Только что вошли в баню, вроде бы только что, и уже пора собираться, освобождать уютную чайную комнатенку, переставшую пахнуть мятой, она теперь припахивала мужским духом, Григорьичем, пивом и рыбой. Наговорились мы, напарились, нагрелись, натешили тела свои и кости: хорошая все-таки штука — финская баня.

Вид у нас был обновленный. Олжас сменил рубашку, сменил даже галстук, повязав его изящным аристократическим узлом, Толмачев, я и Сергей Иванович тоже сменили рубашки... Григорьич не стал менять свой колоритный костюм — на нем оказалась все та же салатовая маломерная майка, жилет, более напоминающий зипун, чем жилет, штаны с огромным отвисшим задом, лихо съезжающие с живота,— Григорьич поддерживал их рукой, дырявые тряпичные тапки, надетые на большие пальцы. Довольно собранной командой, готовой к вечерним развлечениям, мы вышли из бани, остановились в мраморном вестибюле. В правой руке Григорьич держал авоську, продолжавшую изумлять иностранцев, в авоське позвякивали пять пустых бутылок, мы их все взяли с собой, из сырой газеты торчала копченая рыбья голова, насаженная на костлявый скелет, обглоданный хвост вылезал в прореху и скребся теперь по полу, сверху лежали старые трусы и мокрая мочалка, из которой текла мутная влага.

Ничто не волновало Григорьича; он, крепко зажав зубами мятую «беломорину», с наслаждением жевал черенок, глаза остро поглядывали из-под очков: Григорьичу все нравилось — и баня, и роскошный вестибюль этот, надраенный, как тронный зал царского дворца, и говорливые люди, которых он не понимал, а они не понимали его — совмещению просто не дано было произойти.

— Есть предложение — спуститься вниз, в ресторан, выпить по бокалу шампанского,— сказал Олжас. Он в этой обстановке чувствовал себя как рыба в воде, манерами мало отличался от иностранцев.

— Да, да, да! — согласился с предложением Григорьич, жуя папиросу. Элегантно шаркнул шлепанцем и отставил в сторону авоську с банным грузом.— Извините только, если я в споре с вами напоминал рассерженную курицу!

Он был очень самокритичен, старый самоед, следил за своей речью, ходом мысли и считал необходимым извиниться, если что-то получалось не так. Мысли — главное, а все остальное — второстепенное. В том числе и вериги, которые он носил.

Лавируя между иностранцами — на двух автобусах прикатила новая группа из Финляндии,— мы пересекли вестибюль и по витой латунной лестнице двинулись вниз, в громкий, освещенный мягкими цветными огнями ресторан. Лестница была надраена так, что в ступени можно было смотреться — отражались наши перевернутые лица, руки с «дипломатами». Олжас шел первым, аккуратно печатая шаг, Григорьич — последним, кряхтя и пятная лестницу мыльным соком, текущим из невыжатой мочалки. Он сейчас боялся одного: как бы с его ног не слетели драповые тапки и не угодили кому-нибудь в блюдо,— шаркал ими, будто лыжами, перебираясь со ступени на ступень, скользил, планировал, далеко высовывал из прорех большие пальцы, с трудом удерживая тапки на ногах, сопел. Очки, чтобы не соскользнули с носа, Григорьич поднял и спрятал в курчавой проволочной шевелюре — оттуда они не выскользнут.

— Лучший головной убор мужчины — это волосы,— справедливо отметил он.

Винтовая лестница, по которой мы шли, выводила прямо к танцевальному кругу — огромному, латунному, надраенному до нестерпимого блеска, где тихо передвигалось несколько пар в вечерних костюмах. Серпики света выхватывали из круга то белую манишку, то галстук-«бабочку», то золотое кольцо на руке, то жемчужную цепочку, то вдруг в луч попадал дорогой камень, вспыхивал ярко, слепил — в ресторане находилась богатая публика.

Оркестр был подобран тщательно — не оглушал, как часто оглушают беспардонные ансамбли, исповедующие правило: «чем громче — тем лучше», этот оркестр был ни тихим, ни громким,— та самая разумная середина, которая отличает искусство от неискусства,— рождал ощущение тепла, печали по ушедшим людям и годам, по тем радостным минутам, что оставили след в памяти. И насчитывалось их так немного, этих минут, что каждую можно было восстановить в памяти, перебрать, ощупать пальцами — представьте себе, почти материально,— я увидел, что каждый из нас поддался этой музыке, ее воздействию — размякала походка у Олжаса, плечи чуть опустились и сделались покатыми, как у гребца-профессионала, от всей фигуры его потянуло грустью увядания, покоем, преобразились Толмачев и Сергей Иванович Магер — все мы, оказывается, сделаны не из железа, все мы уязвимы, слезливы, отходчивы, из всех нас, несмотря на возраст, можно лепить что угодно,— только Григорьич не поддался музыке — что для него ее воздействие! Он продолжал шаркать тапками по лестнице, задумчиво посасывая окурок и высовывая большие пальцы ног из драповых дыр, чем дальше они высовывались, тем лучше.

Замечу, зрелище это было захватывающее, не для слабонервных. За столами находилось много людей — были и знакомые, совсем рядом с танцевальным кругом сидел Джеймс Олдридж с женой — смуглокожей и изящной, с гладко зачесанными волосами, похожей на таитянку, чуть дальше, через два столика, расположился известный переводчик с манерами старого петербуржского аристократа, насмешливо посверкивая стеклами дорогих очков, он беседовал с двумя датчанами, вполне возможно, доказывал, что неизвестная река, впадающая в Каспийское море, называется Волгой, баловалась шампанским группа столичных поэтов, завсегдатаев Дома литераторов, но в основном в ресторане сидели иностранцы. Пахло дымом хороших сигарет, косметикой, шампанским, еще чем-то, что невозможно было прочитать.

Танцевали иностранцы — слишком безукоризненно причесанные и украшенные женщины,— невольно мнилось, что в жизни такого не бывает, то, что мы видим, можно увидеть только на модных журнальных картинках да в светской хронике семей, живущих за облаками, вне земной досягаемости; мужчины были под стать женщинам...

Неужели это все реально?

Может быть, нет?

Григорьич той порой одолел последнюю ступень лестницы, и, что называется, «ступил под юпитера» — невозмутимый, с папиросным общипком во рту, сползшими на лобок больничными штанами и авоськой, набитой плевым товаром. Его не сразу заметили: мешала игра света — ресторан уже погрузился в полумрак, саксофонист замолк, и только горькая одинокая струна контрабаса вела мелодию. В следующий миг пространство вскипело, заиграло золотом, взвихрилось, стало светло — мелодию повели сразу все инструменты, но вдруг в игре что-то сорвалось.

Остановилась актриса со сценаристом, потом перестали танцевать и замерли иностранцы — люди сбились с такта, соскользнули с мелодии, как с края пластинки, и затихли в изумлении. Они смотрели на Григорьича.

Но изумление это не было ни шутовским, ни насмешливым, оно было почтительным. Последовала пауза — удушливо-долгая, неестественная, затяжная. Потом в огромном полом пространстве неожиданно раздался восхищенный громкий шепот:

— Миллионер!

Из другого угла также донеслось почтительное, с умильным придыханием:

— Да-а-а! Только миллионер может позволить себе явиться в ресторан в таком виде.

— Нет, берите, господа, выше: это миллиардер! — раздался третий голос.

Потупившись, Григорьич побряцал в кармане спичками, достал коробок, чиркнул — и спички отсырели, и папироса была совсем уже изжевана, он выдернул ее изо рта, в это время к нему подскочил человек в черной паре, протянул пачку «филипп мориса» с длинным фильтром и щелкнул золотой зажигалкой:

— Пожалюста! — произнес он на ломаном русском языке.

Григорьич поблагодарил услужливого иностранца — богача из Швеции, но не такого богатого, как Григорьич, торчками вздернул большие пальцы ног в тапочках, пустил струю душистого дыма и вслед за Олжасом проследовал к столику, уже украшенному серебряным ведерком, полным льда. Из ведерка выглядывала бутылка коллекционного шампанского.

— Миллионер... Миллионер...— катился вслед за Григорьичем шепот по столикам. Все вытягивали головы, зачарованно смотрели на Григорьича, стремясь запомнить его, запечатлеть навсегда в мозгу, чтобы потом рассказывать детям — они видели живого миллионера...

Из жизни нельзя вычеркнуть ни одного встреченного человека, все они нужны, все они дороги, даже недруги, которых с годами становится не меньше, а больше, и надо благодарить судьбу за каждую такую встречу, за каждого интересного человека — не важно какого! — бриллиантом сверкнувшего в невзрачной, тусклой горке песка; не будь таких людей, как Григорьич, жизнь наша была бы совсем пресной и в конце концов засосала бы нас, словно болото, утопила бы, втянула в свое жуткое всеядное нутро, ничего бы не осталось. В этом я уверен и благодарю Григорьича за то, что он есть.

И есть именно такой — никакой другой!

Андрей ВАВРА, специальный корреспондент Крокодила

ВЗВИЗГИ ШАМПАНСКОГО,

или СОВЕТСКИЕ БИЗНЕСМЕНЫ — МАЛЬЧИКИ ДЛЯ БИТЬЯ

Передвигаясь по городу, постоянно слышу бубнеж: бу-бу-бу, бу-бу-бу!.. Это граждане обсуждают проблему исчезновения товаров широкого потребления. И еще костерят местные власти. А потом, взвинченные этими дебатами, взаимно хамят и пихаются...

И какой выход? Если народ настоятельно требует от властей ответа, куда что девается и когда это кончится? Отмалчиваться в такой ситуации неуместно. На вопросы народа надо отвечать. Желательно конкретно: кто виноват. А того, кто виновных разоблачит да к тому ж еще и заполнит прилавки, конечно, ждут народная любовь и признательность. Слава ждет. Лавры кормильца и спасителя. А то и национального героя.

Как известно, в новогодние праздники товар особенно широкого потребления — шампанское. Что касается его производства, так с этим вроде все ясно: в Севастополе, например, имеется винзавод, с конвейера которого ежегодно сходят десятки тысяч бутылок «Мускатного игристого». Но севастопольцы в канун Нового года просто с ног сбились в поисках шампанского. Действительно, разве ж это праздник, когда нельзя стрельнуть пробкой в потолок, разлить по бокалам пенящуюся струю, потом осторожно отхлебнуть ледяной золотистый напиток, чтоб защипало в носу, тысячами тонких иголочек пробежало по языку...

Да, забылось это, забылось в городе-герое. И тогда работники Севастопольского ОБХСС и КГБ решили преподнести горожанам подарок. В результате блистательной операции как раз накануне Нового года они накрыли готовившуюся к вывозу из города партию «Мускатного игристого» — 5 тысяч бутылок. Сделку на его продажу заключила ассоциация «Севастополь-тур». Спиртное в конечном счете предназначалось иностранным гражданам — итальянцам. Двигатели самолета, загруженного дефицитным товаром, уже работали, пилот собирался вырулить на взлетно-посадочную полосу военного (!) аэродрома... Но не вырулил! Сорвалось. По причине своевременного прибытия на аэродром группы захвата.

Славно, не правда ли? Людям нечем наполнить фужеры, а эти бессовестные бизнесмены из Севтура хотели поить иностранцев. За границей вина, как известно, залейся. Так нет, нашего, отечественного им еще подавай. А нам самим его остро не хватает.

Так не выйдет, господа иностранцы! Накося вам выкуси!

Побывав на аэродроме, доблестные органы задумались: а нельзя ли сделать подарок поувесистей? И решили основательно потрясти зарвавшихся предпринимателей. Нагрянули на склады ассоциации и там обнаружили еще 49 тысяч бутылок вина. Севтур, понятно, божится, что припрятывал не для последующей спекуляции. А, дескать, собирался открыть в Севастополе дегустационные залы, делал для них запасы. Но когда еще залы откроются, а вино народу нужно сегодня. Так что и это шампанское у ассоциации реквизировали и по распоряжению председателя горисполкома А. Шестакова передали в общепит.

Операция по захвату шампанского на военном аэродроме держалась в глубокой тайне — кроме участников, о ней знал только корреспондент местной газеты «Слава Севастополя». Но вот о ее блистательных результатах общественность была громко оповещена. И не только севастопольская. Даже центральные средства массовой информации заинтересовались сочной фактурой этой истории: шампанское, военные моряки, нарождающиеся предприниматели, интуристы, возбужденные народные массы, которым нечего разливать по стаканам... Словом, о происшествии, как о пикантной сенсации, сообщили еще программа «Время», газеты «Комсомольская правда» и «Коммерсантъ». Ничего удивительного: дело ведь, согласитесь, не в количестве захваченных у бизнесменов бутылок, а в принципе — у сограждан отнимают последнее. Ладно еще, когда это делается в благородных политических целях, в интересах интернациональной солидарности или для поддержки освободительных движений. А то ведь исключительно в целях коммерческой выгоды, чтоб заработать валюту.

Создавался же Севтур как вполне солидная фирма — учредителями у него городские власти. И создавался с самыми благородными намерениями. Туристический сервис у нас — непаханое поле. Вот и собрался Севтур его пахать — строить курортные объекты и улучшать экскурсионные услуги. И, в частности, наметил организовать сеть дегустационных залов и баров.

В связи с этими барами довольно отвратительные картины могли представлять себе простые севастопольцы. Им, значит, запущенные коммунальные службы, транспортные заботы, суровая борьба за пропитание, а иностранцам... К ним, известно, особое отношение.

Это ж надо, какие севтуровцы ловкачи! Нет, чтоб по-настоящему пахать и горбатиться — на пустом месте собрались качать деньги! Правда, по уставу ассоциации 95 процентов валютной прибыли шло в гос- и горбюджет.

А чтоб провернуть эту затею с дегустацией, Севтур заключил договор с винзаводом на часть его сверхплановой продукции. И перечислил по договору заводу деньги. Очень своевременно перечислил. Хотя завод исправно делал многомиллионные отчисления в городскую казну, работали здесь на немыслимой ветхости оборудовании, не было средств на соцкультбыт. И, получив эти деньги, завод на радостях выпустил аж 200 тысяч сверхплановых бутылок. Часть отдал ассоциации. А, кроме того, накануне Нового года сверх всякой разнарядки передал городу еще 40 тысяч бутылок...

Впрочем, эти детали не должны никого сбивать с толку. Предприниматель есть предприниматель. Вначале, конечно, начнет расписывать свои благородные планы, а закончится все обыкновенной преступной сделкой. Что делать, раз природа у предпринимателей такая — преступная.

Словом, сняв с самолета 5 тысяч бутылок и реквизировав остальные со склада, доблестные органы обратились в городскую прокуратуру — пора возбуждать уголовное дело. А прокуратура взяла им и отказала! То есть не нашла в сделке ничего противозаконного...

Организовавший эту блистательную операцию капитан ОБХСС А. Тарасов, понятно, возмутился: так ведь иностранцам... дефицит... на военном самолете... перед Новым годом!.. И капитан обратился в областную прокуратуру. Но и она подтвердила заключение своих коллег из Севастополя (читатель, наверное, заметил, что я перестал упоминать КГБ. Действительно, на определенном этапе он отошел в тень, все лавры в конфликте с прокуратурой оставив целиком ОБХСС).

Капитан Тарасов решил не отступать. И как можно было отступать после всех сделанных разоблачений! Когда севастопольцам было наконец решительно и категорично разъяснено, отчего они так плохо живут хотя бы в отношении шампанского!.. И капитан затеял строжайшую ревизию всей деятельности Севтура. Поскольку был убежден — раз бизнесмены взялись за дело, то где-то свою преступную сущность обязательно проявят. Они и проявили: в первый же день капитан обнаружил в сейфе ассоциации 22 тысячи долларов! Это вместо того, чтоб получать валюту через банк, Севтур берет с иностранцев наличными! Не исключено, что это не просто нарушение закона о валютных операциях, а нечто похуже. Взятка, например...

К сожалению, и здесь капитана ждала неудача. Валюта в сейф попала вовсе не благодаря чьим-то преступным помыслам. Оказалось, что бельгийский бизнесмен, с которым у Севтура был контракт, собрался положить деньги в банк на счет ассоциации. Но банки Севастополя не имели права принимать валюту. А банк в Ялте ближайшие три дня был закрыт. И в результате причитающаяся Севтуру по контракту валюта могла уехать обратно в Бельгию... К счастью, удалось все-таки договориться с банком в Севастополе. Но вот незадача: кассирша потребовала у бизнесмена переписать номера всех сдаваемых им банкнотов. Бизнесмен, понятно, возмутился, отказался переписывать, но девушка была непреклонна:

— Иначе валюту вашу не возьму!

Вот и пришлось бизнесмену класть деньги в сейф под расписку. Формально это, конечно, нарушение. А фактически — безвыходная ситуация, наша отечественная специфика...

Попробовали обвинить Севтур в нарушении постановления республиканского Совмина о невывозе производимой в республике продукции за ее пределы. Но так ведь этот указ не касается деятельности ассоциаций и общественных организаций...

В результате блистательной операции, по прикидке Севтура, ему нанесен ущерб больше чем на 600 тысяч рублей. Нарушены контракты с туристическими группами из Бельгии, Германии, Греции. А моральный ущерб...

Кстати, в этой истории оказалась задета и честь армии — она ведь выступала в качестве пособника бессовестных бизнесменов. Впрочем, об армии местная пресса особо не распространялась. Ясно же, что простых и честных моряков просто обманули, обвели вокруг пальца...

Но и тут вышла неувязка. Моряки действовали не только вполне сознательно, но и не так уж бескорыстно. Впрочем, вполне законно. Руководствуясь выпущенным еще в сентябре 1989 года приказом командующего КЧФ адмирала М. Хронопуло «О мерах по организации внешнеэкономической деятельности на флоте». Про эту деятельность есть и соответствующие директивы министра обороны СССР Д. Язова.

Итак, подведем итоги кампании правоохранительных органов против севастопольских предпринимателей.

Ассоциация получила столь жестокий удар, что ей долго еще предстоит зализывать раны. Под вопросом теперь судьба винзавода — материальных поступлений от Севтура в ближайшее время не ожидается, так что с реконструкцией придется повременить. А там как Бог даст. Авось не развалится завод, еще немного постоит. Не исключено, что материальные убытки понесет и милиция — в случае неправомерного вмешательства правоохранительных органов они обязаны возмещать нанесенный ущерб... Городская казна недосчитается еще и валютной прибыли. Уже недосчиталась.

Убытки солидные. А вот доходы? Зашедшие в тупик правоохранители апеллируют к массам:

— Выявлены и разоблачены те, кто отбирал у народа шампанское! Кто вашим законным вином собирался поить иностранцев! Им — народный гнев и презрение. Вы же, дорогие севастопольцы, побыстрее расставляйте фужеры, бокалы, стаканы и прочие емкости! Со стола интуристов — на стол простого народа! Угощайтесь!

Но вот надо же какая вышла незадача! Очевидцы в один голос утверждают: как не было в Севастополе шампанского, так и нет. Незаметно было его изобилия и накануне Нового года. Что, согласитесь, довольно странно. Простая арифметика говорит об обратном. Считаем: 5 тысяч бутылок снято с самолета, 49 тысяч бутылок вытащено со складов. И все передано в общепит. Куда ж исчезла такая прорва шампанского, выброшенного как раз перед самым Новым годом?

Впрочем, это исчезновение, похоже, из разряда будничных, рядовых дел. Нет тут никакой сочной фактуры, чтоб всколыхнула народные массы. Куда интереснее разоблачать предпринимателей, тем более что давно руки чешутся на этих кровососов, буржуев этих. А разоблачить их помогает, как видим, такое надежное и испытанное оружие, как классовое, революционное чутье. И, бросив в накаленную общественную атмосферу очередное разоблачение, можно ожидать награды в виде любви соотечественников.

Интересная это штука — рыночные отношения, регулируемые классовым чутьем работников правоохранительных органов. До того интересная, что, боюсь, у многих желающих такой регулируемый рынок отобьет всякую охоту к коммерции... А стало быть, рассчитывать на повышение уровня жизни в обозримом будущем не приходится...

г. Севастополь.

А. БАБЫКИН, г. Мурманск.

А. ГУРСКИЙ, г. Минск.

М. ЛАРИЧЕВ, г. Пушкин.

В. ВАРДИДЗЕВ, г. Запорожье.

А. РАКИТИН, г. Североморск.

К. МАЛЬЦЕВ, г. Челябинск.

И. ЛОПАТИН, г. Воронеж.

А. АНДРИАНОВ, г. Красноярск.

В. ПРИСМОТРОВ, Московская обл.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЧИНИТЕЛЬ ВСЕМ ИЗВЕСТНЫХ ЭПИГРАММ

Русская классическая эпиграмма существует более 200 лет. Словно Млечный Путь, простерлась она на небе отечественной словесности, и скромной звездочкой мерцает в этом скоплении имя С. А. Соболевского (1803—1870). Мастер сильной и меткой эпиграммы, экспромта, почти не издававшийся при жизни и мелькнувший единственной книжкой в 1912 г., он еще ждет своих читателей и исследователей.

Сергей Александрович Соболевский родился в Риге. Был он внебрачным сыном богатого помещика, вельможи А. Н. Соймонова и вдовы бригадира А. И. Лобковой. Сергею Соболевскому купили польское дворянство, приписав его к вымершей фамилии.

Детство свое он провел в Москве. Потом учился в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте в Петербурге, дружил с Л. С. Пушкиным, М. С. Глинкой и П. В. Нащокиным. Через Льва Сергеевича познакомился с его старшим братом, который стал поручать Льву и Сергею ведение своих литературных дел.

После пансиона Соболевский был направлен в Москву, в Коллегию иностранных дел, а точнее — в ее архив.

В Москве Сергей Александрович вел жизнь светского жуира и бонвивана. Блистал на балах, великосветских раутах, устраивал дружеские попойки и быстро прославился многочисленными любовными приключениями. Но при этом посещал философские и литературные кружки, салоны, сам сочинял эпиграммы и экспромты.

Особые отношения сложились у него с А. С. Пушкиным. С сентября 1826 по май 1827-го они были неразлучны. Сергей Александрович в это время предотвратил две дуэли поэта — с графом Ф. И. Толстым-«Американцем» и с В. Д. Соломирским. Пушкин любил Соболевского за неистощимое остроумие, живые экспромты, щеголявшие оригинальными рифмами, неизменную веселость и готовность кутить и играть в карты когда угодно.

В июле 1827 г. Соболевский собрался в Европу — глотнуть свежего воздуха, посмотреть мир. Почти 20 лет с редкими перерывами провел он за границей, окончательно вернулся в 1851 году.

Жил Соболевский на Смоленском бульваре в одном доме с В. Ф. Одоевским, также давним своим другом. В десяти комнатах на первом этаже размещалась его громаднейшая библиотека, одна из крупнейших в Европе.

К своим эпиграммам и экспромтам Сергей Александрович относился весьма легкомысленно. Он редко записывал их, разве что в альбомы светских барышень. И его остроты передавались в основном из уст в уста.

НА А. С. ПУШКИНА

Здорово, новый камер-юнкер!
Уж как же ты теперь хорош:
И раззолочен ты, как клюнкер,
И весел ты, как медный грош.

1834 г.

Л. С. ПУШКИНУ

Пушкин Лев Сергеич
Истый патриот,
Тянет ерофеич
В африканский рот.

1837 г.

НА ПЕВЦА ГУЛАК-АРТЕМОВСКОГО

Артемовский:
Завернувшийся в тулупо,
Я ищу, где кормят супо,
Я хочу найти местечко,
Где бы отдохнуть беспечно,
Чтобы плакать одиноко,
Съем и луко, и чесноко...
И свободу обрету.
Хор:
Заходи, обдай сияньем,
Славный малороссиянин;
Ты желан всегда, амико,
Неотесанный мужико.

(С итальянского)
1860 г.

В. Д. Д.

Случалось ли тебе пускать волчок
по гладкому паркету?
Уж как шумит от пустоты!
Ни дать, ни взять, как ты,
Природой на смех пущенный по свету.

ПРИ ВСТРЕЧЕ С ДЕВУШКОЙ, КОТОРАЯ НЕКОГДА ОЧЕНЬ ХВАЛИЛА НЕКОЕГО ВРАНГЕЛЯ

Вы о майоре Врангеле
Говаривали мне,
Как будто бы об ангеле:
Что он теперь не в ранге ли
Des gens abandonnés? [1]
Когда морскою ванною
Лечился он от ран,
Вы были ему манною,
И там-то с вами, с Анною,
Затеял он роман.
Он (вследствие усилия) вне
Любви вам не казал;
Но часто о Васильевне
Вздыхая: «Va, si elle venait»[2],—
Сквозь слезы он шептал.

[1] Покинутых, забытых людей *(франц.)*.
[2] Ах, если б она пришла *(франц.)*.

ПРИМЕЧАНИЯ

Эпиграмма на **А. С. Пушкина** написана по поводу обиды поэта на присвоение ему звания камер-юнкера. **Клюнкер** — кисть, кисточка, по другим сведениям — сибирский воз с золотом, золотая монета.

Л. С. Пушкин, «Храбрый капитан», тогда не мог тратиться на шампанское и заменял его водкой — «ерофеичем».

Гулак-Артемовский — певец Петербургской оперы. Написано С. А. С. во Флоренции при встрече с певцом, который изъяснялся на смеси итальянского и русского.

В. Д. Д. — адресат неизвестен.

Некая Анна Васильевна в Ревеле во время купаний будто бы влюбилась в лечившегося там же от ран барона Врангеля. Позднее ей, уже старухе, С. А. С. напомнил этот эпизод своими стихами.

Предисловие, публикация, перевод и примечания Виктора ШИРОКОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

Только 5 февраля узнал о создании крокодильской РКП, поскольку № 36 получил с опозданием на целый месяц. Расстроенный нерегулярностью прихода журнала, отсутствием в аптеках корвалола, предлагаю создать при Развлекательной Крокодильской Партии фракцию — Свободная Читательская Пессимистическая фракция — СЧПФ. А это мой взнос: НЕИМУЩИЙ — не имевший старых купюр на момент обмена: обменял заранее...

В. ЦУКАНОВ,
Воронежская область.

О чем бы ни шла речь, авторы журнала непременно скатываются к критике социализма, нашей истории, к пропаганде капиталистического образа жизни, частного предпринимательства... В зубах ведь уже навязла эта публицистика. Ублажаете тех, для кого гласность — синоним разнузданности? Не обижайтесь, но Крокодил позволяет говорить «начистоту» только себе. Хотите деидеологизации, деполитизации, а сами превратили «Крокодил» в орудие политической борьбы. (Уши-то торчат.) Изменяет вам и чувство меры: к примеру, обложка № 31, изукрашенная В. Мочаловым. А эти гуляющие из номера в номер голые девки! Спасибо Владимиру Тильману. Он умница; все кратко и даже смешно.

Н. КУЗНЕЦОВА, 42 года, уборщица,
г. Мурманск.

За свои 78 лет всякого пришлось пережить и повидать. Но о главном похоронном бюро Совета Министров Союза впервые узнал из фельетона «Номенклатурный погост» (№ 26, 1990 г.). Это уже второй погост. Самый-то главный — у Кремлевской стены... А надо бы помнить вышестоящим, что перед Богом мы все равны.

С «Крокодилом» познакомился со дня его рождения, когда в его компании были «Чудак», «Смехач», «Бузотер», «Лапоть», «Ревизор».

Н. ДОРОГОВ, ветеран труда, участник войны, художник-любитель.
г. Енисейск.

Сколько себя помню, столько и выписываю «Крокодил». А в этом году выписывать не стал. Глубоко сожалею. Дело не в том, что вместо журнала буду смаковать шампанское (забываю и вкус этого напитка), не в том, что мне жалко 75 копеек, и уж не в том, что я перестал быть веселым. Сейчас такая жизнь — цирк на каждом шагу. И без «Крокодила». К тому же вас скоро закроют, как и некоторые другие издания. Я это чувствую. Ведь у нас никогда не любили критики, тем более сатиры. Большинство тех, кто стоит сейчас у руля власти, из бывшей административно-командной системы. И нечего надеяться, что, если черту приклеить крылья, он станет ангелом.

Если мои печальные прогнозы не оправдаются, к следующему году первым побегу в «Союзпечать» подписываться на «Крокодил». Даже если он к тому времени и будет стоить по трояку за номер.

Успехов редакции.

С. ЗАБУНЕНКОВ,
Хабаровский край.

Уважаемые товарищи крокодильцы! Прочла я фельетон Г. Крошина «Бери «Шанель...», и стало как-то гадко на душе. А ведь вы должны нас веселить!

Я пенсионерка, мне крайне нужны панталоны. В местное радио написала предложение: давать эти самые... пенсионеркам на талоны. И вскоре утром слышу ответ на мой интимный вопрос. Солидный дядя авторитетно сообщает, что в Алтайском крае в текущем году на мою долю приходится 1,6 панталон. Где их купить, не сообщил, но удовлетворенно добавил, что по договорным ценам в магазинах можно купить плавки (девичьи) и трусы (мужские). И тут я развеселилась. А как с этим «предметом» у депутатов?

Л. ТОЧКОВА, *г. Барнаул.*

Слуги дьявола обкурили и детей малых, и стариков немощных, не говоря уж о женщинах и мужчинах, которые не в дружбе с табачным дымом. Лет несколько назад, помнится, весь номер «Крокодила» был посвящен этой «курительной» проблеме. Не мешало бы повторить. А то цивилизованные страны отказываются от дикости, именуемой «табачным рабством», а мы все дальше в «рабство» — табак нам подавай! Сплошной стыд и позор. Главное, все вроде бы за экологию: воюем за Байкал, Арал, Волгу, протестуем против АЭС, совершаем марши-протесты против ядерных испытаний. А сами? Сами травим друг друга. Неужто Господь лишил нас разума?!

А. ТАРАСЕНКО, депутат горсовета, «зеленый» до мозга костей,
г. Караганда.

Предлагаю Верховному Совету СССР принять закон: избиратели на свои средства предоставляют депутату полностью обставленную квартиру, дачу, автомобиль и гардероб (на пять лет носильных вещей). Этот закон прочно свяжет депутатов с избирателями и пресечет всякие разговоры неэтичного характера.

А. КРАСНИКОВ, инвалид Великой Отечественной войны,
г. Москва.

Я давняя подписчица «Крокодила». С 1967 года стала собирать юмор. Сначала наклеивала вырезки в общую тетрадь, потом в альбомы. Отдала в переплет. Сейчас у меня более 30 таких альбомов — целая коллекция. Любовь к юмору, умной сатире у меня от отца, и дочь с малых лет пристрастилась к этому собирательству... Знаем почерк Алешичева, Сычева, Огородникова, Дубова... Целая коллекция «Нарочно не придумаешь», «Ба! Знакомые всё лица!», сохранились «Великие за партами», курьезные киноафиши... Мои альбомы — лекарство от стрессов...

В. КАЙДА,
г. Пермь.

Джеймс ХЕЙС
(«Форчун», США)

ХОТИТЕ ДЕЛАТЬ БИЗНЕС В МОСКВЕ?

Репортаж торгового гостя

Согласитесь, что оказаться на гребне истории, хотя бы на короткий срок,— событие, более волнующее, чем виндсерфинг. Поэтому когда министр торговли США Роберт Мосбакер предложил мне слетать в Москву в приятном обществе президентов богатейших фирм США (кажется, вы называете таких «vorotila»?), я размышлял чуть меньше времени, чем требуется для произнесения слова «да».

Целью нашей поездки было ознакомиться с условиями для инвестирования американских денег в СССР и заодно показать, что мы тоже — парни не промах. Западноевропейские и особенно немецкие бизнесмены так и снуют в Москве и по всему Советскому Союзу. Японцы тоже не спят. Понятно, что США не могут позволить себе уступить такой громадный потенциальный рынок своим конкурентам.

Мы вылетели из Вашингтона на «боинге-707», оба бока которого были украшены надписью «Соединенные Штаты Америки». Наша первая остановка была в Хельсинки. В посольстве США президент Буш пожелал информировать нас о своей однодневной встрече на высшем уровне с Михаилом Горбачевым.

Президент сказал, что и он, и Горбачев придают большое значение нашему визиту. Президент подчеркнул, что даже сейчас, когда состояние советской экономики с каждым днем ухудшается, Горбачев не просит прямой правительственной помощи. Советский руководитель дал ясно понять, что он жаждет инвестиций из частного сектора и считает американскую технологию и искусство административного управления крайне важными для успеха перестройки. Буш заметил в заключение, что, хотя Советам придется пройти долгий путь, пока они действительно поймут, как работает рыночная экономика, Горбачев по крайней мере все говорит правильно, в частности, он признает, что нужна широкая приватизация государственных предприятий.

Затем три кортежа машин направились в аэропорт Хельсинки по улицам, освобожденным от движения в обоих направлениях: первый — Буша, затем — Горбачева и, наконец, наш. Мчась по полосе встречного движения, мы обгоняли вереницу машин, добропорядочно следовавших по правой стороне дороги. Это был Горбачев с эскортом. Поощряемый азартными криками президентов корпораций, наш водитель нажал на газ и вырвался вперед, обогнав кавалькаду Горбачева. Еще одна маленькая победа капитализма!

В нашей делегации были и такие матерые специалисты по Советам, как Дуэйн Андреас из «Арчер Дэниелс Мидленд» и Дон Кендалл из «Пепсиколы», но большинство чувствовали себя колумбами. Ваш покорный слуга относился тоже к категории первооткрывателей.

Но все везли с собой невидимый драгоценный багаж, не замеченный таможенными рентгенами и собачьими носами, а именно идеи и планы. Дон Маррон из «Пэйн Уэббер» надеется помочь Советам осуществить их намерение открыть фондовую биржу. Многие из нас — 6 из 15 — были «энергетики». Начиная от Кена Дерра из «Шеврон» до Чесли Пруэта из «Пруэт ойл», изыскательской компании из Миссисипи,— все горели желанием приобщиться к обширным, но слаборазвитым нефтяным месторождениям, тем более что и Советы хотели их помощи.

Мы приземлились в Москве за полночь в воскресенье, и уже рано утром начались четырехдневные лихорадочные встречи. В нашем расписании, включавшем однодневную поездку в Ленинград, были встречи практически со всеми главными участниками исторических споров, бушующих в СССР. Среди них были радикальные реформаторы, такие, как популярный мэр Москвы Гавриил Попов и его ленинградский коллега Анатолий Собчак; осаждаемый противниками премьер-министр и, наконец, сам Горбачев.

Хотя мы наблюдали глубокие расхождения по поводу темпов реформы, все, с кем мы встречались, были согласны, что СССР переживает огромный кризис, который можно разрешить только всеохватывающими изменениями. В каком направлении — ясно всем: Советский Союз должен двигаться от контролируемой, командной экономики к свободной и открытой системе, направляемой рыночными силами.

Ни разу за все время нашей поездки не возникало вопроса об идеологии. Хотя взор Ленина был устремлен на нас почти на каждой встрече с портретов, больших и малых, слово «коммунизм» не было произнесено ни разу. «Невероятно было слышать, как в залах Кремля постоянно повторялись такие слова, как рынок, прибыль, капитал и акции»,— заметил Лойд Кук, председатель АРКО.

И при этом нас постоянно поражало, как мало эти магические слова понятны советским людям. Как-то на приеме один из них отвел меня в сторону и спросил шепотом: «Пожалуйста, джентльмены, будьте добры объяснить мне разницу между прибылью, поступлениями и доходом?»

Мы, конечно, и сами порой бывали озадачены семантической стороной вопроса. Например, во время неофициальных встреч, устроенных для того, чтобы делегаты могли индивидуально пообщаться с представителями соответственно своих отраслей, мы стали глубже понимать советское толкование «совместного предприятия». Для многих — не всех — оно в основном выражается в том, «сколько твердой валюты вы готовы израсходовать, чтобы делать бизнес в нашей стране?».

В первый наш лихорадочный день мы завтракали с Доном Кендаллом, после того как он разрезал ленточку на открытии первой московской «Пицца-Хат». Было очень забавно наблюдать, как высокооплачиваемые администраторы наслаждались простецкой едой «на скорую руку». С нами был Анатолий Добрынин, бывший советский посол в США, с которым Кендалл не раз делил трапезу в Вашингтоне. Весьма любопытно, что этот ресторан, как я узнал, возвратившись в США, был затем временно закрыт, якобы за нарушение гигиенических правил, а на самом деле в ходе борьбы за власть между радикальным Московским городским Советом и районным Советом.

Проблемы «Пицца-Хат» подчеркивают, насколько запутано политическое положение в СССР сейчас. Практически на каждом шагу во время нашей поездки Боб Мосбакер напоминал советским собеседникам о препятствиях, которые стоят перед иностранными инвесторами. В числе этих препятствий — отсутствие четкого определения владения и прав собственности, права вывоза прибылей; путаница, возникающая в результате борьбы за контроль между центральными, республиканскими и местными властями; и прежде всего отсутствие конвертируемого рубля.

Советские деятели заверяли нас, что все эти вопросы будут решены «со временем». Неизбежно будут приняты законы, обещали они, защищающие иностранные инвестиции. Заверения обычно завершались примерно такими словами: «Мы люди честные, за нами не заржавеет, даст Бог — все образуется».

Но даст ли Бог? Конечно, не в близком будущем. Когда вы видите очереди не менее чем на четыре часа, вам ясно, что вы наблюдаете глубоко нарушенную экономику. Потребители не имеют никакого выбора при покупке товаров — дай Бог удовлетворить самые насущные свои потребности. Мы действительно не могли найти в магазинах ничего, что можно было бы купить. В нашей группе шутили: «У вас в руках ничего нет, видно, что вы ходили по магазинам». Виденные нами до этого фотографии длинных очередей за мылом, картофелем, свеклой не подготовили нас к тому потрясению, которое мы испытали, когда увидели это своими глазами.

В то же время перспектива удовлетворить эти громадные неудовлетворенные потребности может породить в вашей голове самые радужные финансовые мечты и планы. И при всем риске верно, что цена вступления на советский рынок сейчас, возможно, ниже, чем она будет когда-нибудь в дальнейшем, и круг возможностей сейчас самый широкий. Вот почему Кендалл говорит: «Инвестировать надо сейчас». Если вы решите действовать, постарайтесь подстраховать себя, ведя переговоры на всех уровнях — федеральном, республиканском и местном.

Высшая точка нашей поездки пришлась на последний день, когда мы два часа беседовали с Горбачевым. К нам присоединились государственный секретарь Джим Бейкер и его советский коллега. Когда Горбачев вошел в зал, сразу же стало ясно, что он не такой, как все. Он был безупречно одет, великолепно держался и не имел того несколько неряшливого профессорского вида, типичного для других советских деятелей, с которыми мы встречались. Он смотрит вам в глаза удивительно твердо. У других ощущались напряженность и скованность, у Горбачева этого не было. Когда мы бились над проблемами, он поощрял к поиску компромисса, и его чувство юмора часто давало себя знать, облегчая споры.

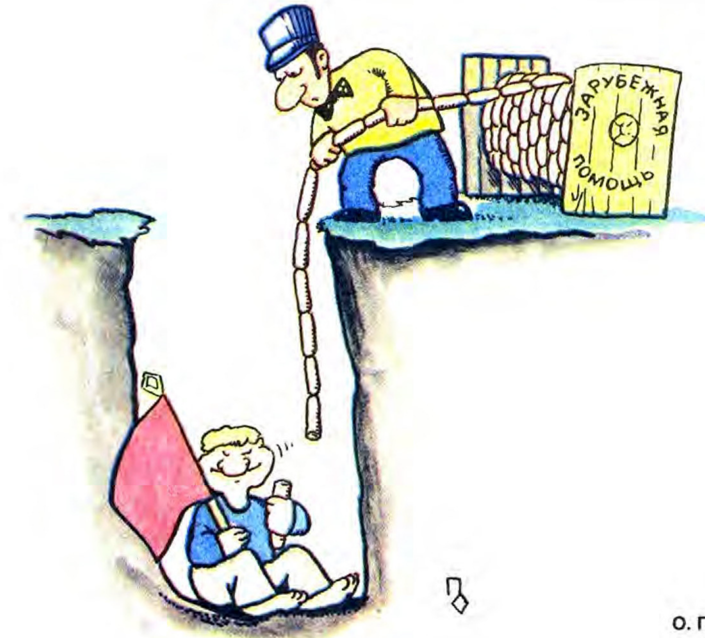
Горбачев говорил о нашей миссии, как о «вторжении США», которое он приветствует. Для того, чтобы в мире произошло что-то хорошее, подчеркнул он, должны существовать добрые отношения между США и СССР. Он подтвердил готовность его страны начать двигаться к рыночной экономике, но затем предостерег, что бросаться сломя голову было бы безответственно.

Он сказал, что всякая новая реформа прежде всего должна делать упор на стабилизацию экономики. «Конвертируемость рубля,— добавил он,— моя первейшая задача». А когда мы изложили готовящийся проект, который позволит советским управляющим поработать в компаниях США по три — шесть месяцев для практики, он встретил эту новость с радостью и добавил, что очень важно изменить умонастроение народа.

Он прав. Но даже если ускорится такой сдвиг в умах — у всех нас создалось впечатление, что так и будет,— экономический и социальный кризис, переживаемый Советами, так велик, что можно только поражаться его размерам. Я, в частности, был преисполнен сочувствия к простым людям, которых мы наблюдали только уголком глаза в ходе нашего стремительного визита. Как-то, стоя посреди очередного пустого магазина, я с удивлением подумал: «Для чего здесь все эти полки? Неужто они когда-нибудь были заполнены или находятся здесь только в надежде на будущие блага?» И подумать только, что мы долгие десятилетия спорили, какая система лучше: коммунизм или капитализм!..

Поневоле приходишь к выводу, что на протяжении 70 лет советские лидеры вершили величайшее в истории надувательство. Сегодня они больше не вводят в заблуждение ни себя, ни свой народ. Вот почему я убежден, что мы должны найти способы помочь им. США — и мировое сообщество — могут только выиграть, если СССР когда-нибудь станет крупным новым торговым партнером.

Перевел с английского
М. БОДРОВ.

О. ПАНЬКОВ.
г. Пермь.

Тодорка ВЫЛЧЕВА (Болгария)

ПОГРАНИЧНИКИ

Прохожу мимо бая Петко и приглашаю:
— Бай Петко, идем в ресторан!
— Не могу! — отвечает он.
— Почему?
— Я на посту!
— На каком посту?
— Я пограничник! — процедил бай Петко сквозь зубы.

Он никогда не жаловался на склероз, и потому я решила уточнить:
— Да какие тут могут быть пограничники?
— Могут, могут! — перебил он меня.— По статистике с моими доходами я живу на границе бедности! Вот почему мне заказана дорога в ресторан. И ей тоже.

Он кивнул в сторону своей жены, которая, опершись на клюку, смотрела в вечернее небо. Заметив мой взгляд, она прошамкала беззубым ртом:
— А я... пограничная собака!
И завыла на луну.

Перевел М. ФИЛОНОВ.

СЛОВАЦКАЯ ЭПИГРАММА

М. ТОБЕН

МАДАМ БОВАРИ

Оставила мужа мадам Бовари:
«Теперь, муженек, сам поди повари!»

СРЕДСТВО ПРОТИВ ЛЮБВИ

Твердят, что их много. Да, это так.
Но лучшее все же — вступление в брак.

Виктор ГУИК
СПОСОБНОСТЬ НЕСПОСОБНЫХ

Неспособные, подобно
чародею-джинну,
пред способными способны
воздвигать плотину.

Перевел со словацкого С. ВАНЕТИК.

КТО ЕСТЬ КТО И ЧТО ЕСТЬ ЧТО

ЦИНИК — мерзавец с испорченным зрением, видит мир таким, какой он есть, а не каким он должен быть.

КОНСЕРВАТОР — человек, слишком трусливый, чтобы драться, и слишком толстый, чтобы удрать.

ПОХВАЛА — это когда вам сообщают то, что вы давно в себе подозревали.

БУМАЖНИК — специальное приспособление, чтобы потерять все деньги сразу.

СДЕЛКА — операция, участники которой убеждены, что они надули друг друга.

(Из журнала «Ридерз дайджест», США).

Перевел А. БЕССМЕРТНЫЙ.

СЛОВА, СЛОВА

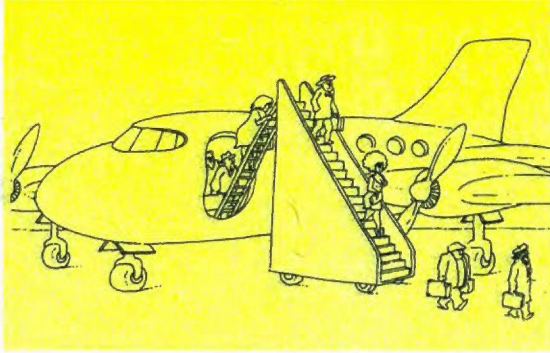
Трагедия человечества состоит в том, что глупцы всегда слишком самоуверенны, а умники полны сомнений.

При дорожной катастрофе вся вина за происшедшее, как правило, возлагается на оставшихся в живых. При политических катастрофах — наоборот.

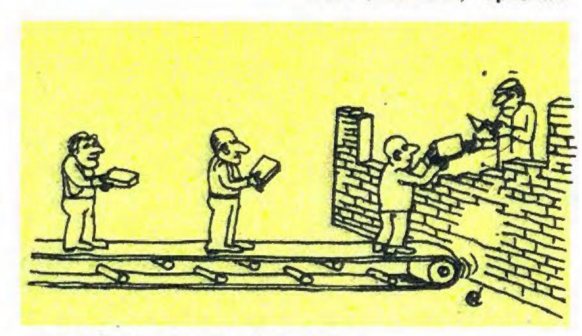
Харри ИЛЛИНГТОН (США).

Диктатура — это когда даже язык искусства приходится держать за зубами.

Эжен ВОСАРАТ (Швейцария).

«Ойленшпигель», Германия.

СРЕДСТВО ОТ БЕЗРАБОТИЦЫ

«Урзика», Румыния.

ИЗ ЖИЗНИ ИНОПЛАНЕТЯН

«Дейли миррор», Англия.

— Что мне до того, что он сексот. Не все ли равно, с кем почесать язык о соседях!

«Новый Дикобраз», Чехословакия.

Лех КОНОПИНЬСКИЙ

ЖЕНЩИНЫ СПРАШИВАЮТ

Немало женщин
от науки ждет ответа:
есть ли мужчины
на других планетах?

Флорентин ЯЛОВЕЦКИЙ

* * *

Боятся люди смерти, как огня.
Я не боюсь ее, поверьте.
Пока я есть — нет смерти,
а явится она — и нет меня.

Перевела с польского Катарина МУРАДЯН.

•

Молодой человек никак не осмелится сделать предложение девушке. В конце концов он решил это сделать по телефону.
— Это ты, Мэри?
— Да, это я.
— Выходи за меня замуж! Ты согласна?
— Да, конечно! А кто говорит?

•

— Я больше не встречаюсь с Кристиной.
— Почему?
— Она спросила, танцую ли я?
— Что же тут оскорбительного?
— Я танцевал с нею, когда она меня об этом спросила.

•

— Что наиболее трудное в вашей профессии, доктор?
— Догадаться, какое блюдо у пациента самое любимое, чтобы категорически запретить его...

•

Жена пишет мужу с курорта: «Тут каждый день идут дожди...»
Тот сразу же телеграфирует ей: «Немедленно возвращайся! У нас дожди гораздо дешевле».

•

Среди подруг:
— Верно ли, что у тебя два любовника?
— Нет, не верно! Один из них мой жених...

•

Писатель и критик:
— Скажи, что ты думаешь о моем новом романе?
— Не скажу. Ты намного сильней меня физически...

•

— Ах, если бы можно было вернуть деньги, истраченные на выпивку за мою долгую жизнь!
— И что бы ты с ними тогда сделал?
— Пропил бы...

•

Молодой поэт:
— Могу ли я поговорить с редактором?
— К сожалению, его нет.
— Как это нет? Я видел его в окно минуту назад!
— Да, но он вас увидел раньше.

•

Американского врача спрашивает знакомый:
— Послушай, старина, почему ты всегда выясняешь у пациентов, что они ели на обед?
— По их меню я ориентируюсь, сколько взять за прием.

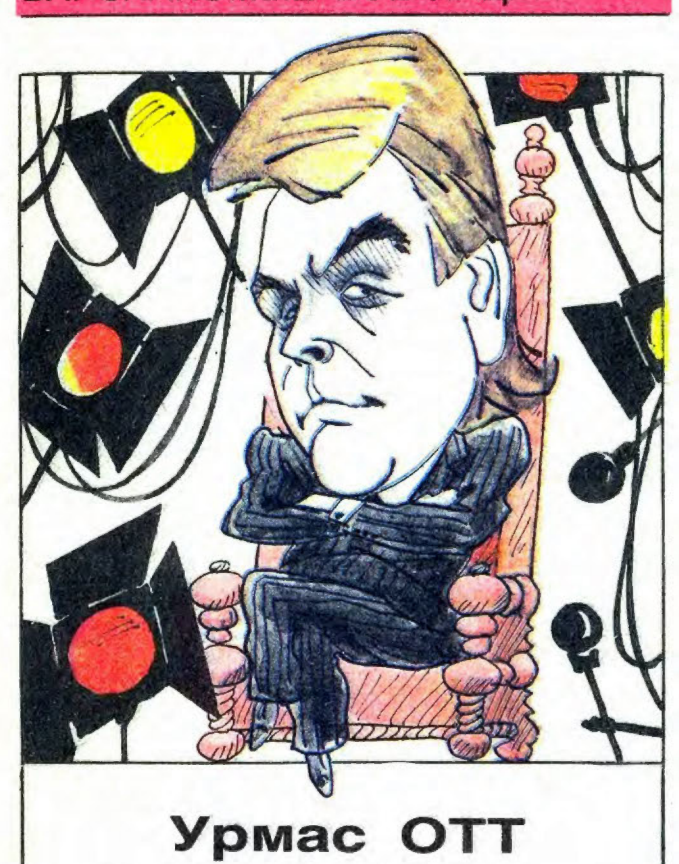
•

— Скажу тебе откровенно, дружище, я никогда не сомневался в верности своей жены, пока из Нью-Йорка мы не переехали в Чикаго.
— А в чем же дело?
— Я заметил, что молоко приносит тот же молочник, что и в Нью-Йорке.

•

Из «Канар аншене» (Франция), «Павлихи» (Югославия), «Стыршела» (Болгария).

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

Урмас ОТТ

Кто-то просто без ума от Отта,
Кто-то обвиняет в нетактичности.
Безусловно, трудная работа
У того, кто «перешел на личности»!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

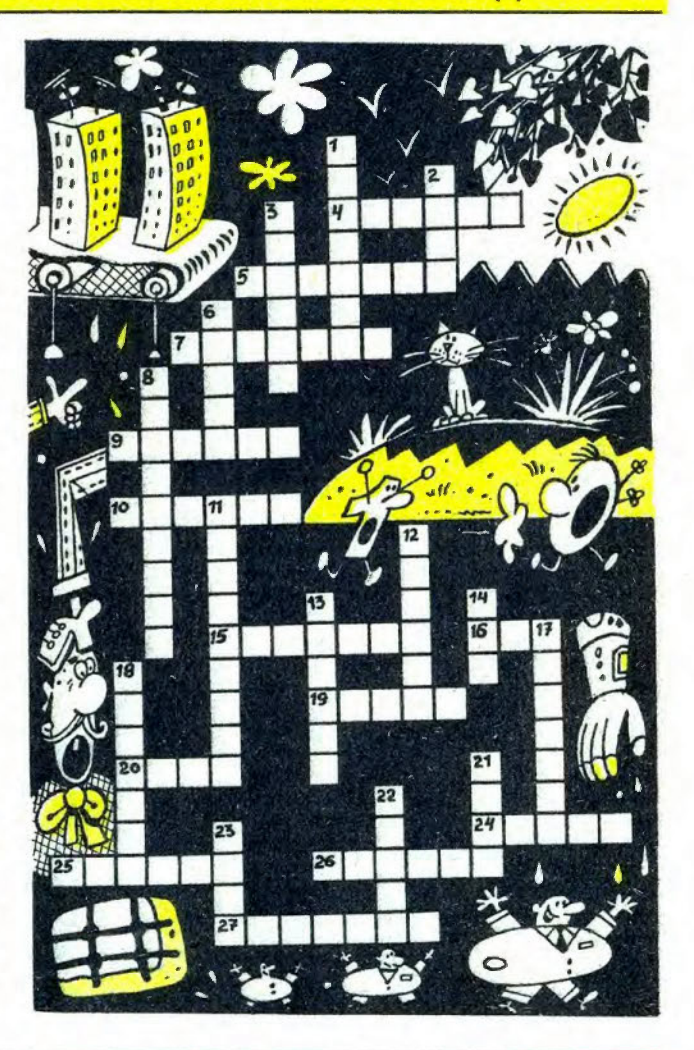
Шарж И. ЛОСОСИНОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Место для неофициальных разговоров официальных лиц. 5. Сооружение, поставленное на поток. 7. Забор в тени. 9. Место выведения искусственных спутников. 10. Страшило для дела. 15. Сидение для отъезжающего. 16. Сидение для иждивенца. 19. Сведения о человеке *(портняж.)*. 20. Потеря тех, кто ходит налево *(былинн.)*. 24. Предел нажатия. 25. Источник света для всех *(песенн.)*. 26. Человек, который с волками жил. 27. Соперник нолика.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Известный лошадиный убийца. 2. Прошение влюбленного. 3. Материал для рук п. 10. 6. Земляные наполнители. 8. Правдивый рассказчик о самых милых, румяных и белых. 11. Кадровое свойство. 12. Полевая бескультурщина. 13. Противогаз в автомобиле. 14. Невидаль *(свойск.)*. 17. Виновник волчьего аппетита. 18. Мысли Олега Газманова. 21. Части населения, отличающиеся шириной. 22. Части общественности, отличающиеся тем же. 23. Специально отведенное место для культуры и отдыха.

Составили Мих. МЕШМАН и Арк. ПЕККЕР, г. Винница.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 15

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Пандора. 3. Каталог. 7. Сажа. 10. Блин. 11. Лассо. 12. Вор. 14. Пат. 15. Рок. 17. Пар. 18. Гамак. 20. Туман. 22. Барабан. 23. Аврал. 24. Гейша. 25. Кант. 29. Стук. 31. Ева. 32. Колобок. 33. Осколок.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пастор. 2. Драка. 4. Арбат. 5. Гончар. 6. Посадка. 8. Улыбка. 9. Ворота. 13. Рог. 14. Пан. 16. Караван. 17. Парашют. 19. Абзац. 21. Унтер. 25. Кулак. 26. Тесто. 27. Мешок. 28. Шарко. 29. Сукно. 30. Комок.

ПОГОВОРИМ, ЧИТАТЕЛЬ!

О ЦАРИЦЕ ТАМАРЕ

В 4-м номере «Крокодила» был напечатан рисунок Г. и В. Караваевых «— Сынок, что дают-то?». Редакция получила ряд протестующих писем от читателей из Грузии, посчитавших карикатуру оскорбительной, задевающей национальные чувства грузинского народа. Прямо скажем, некоторые отклики были крайне эмоциональными, нетерпимыми, а порой и просто хулиганскими.

Принимая во внимание сегодняшнее состояние нашего общества, когда обнажены самые чувствительные струны национальных отношений, редколлегия журнала попросила главного художника С. Спасского ответить на письмо читателя М. Вазарашвили — один из наиболее выдержанных и взвешенных откликов на рисунок. Письмо читателя публикуется с незначительными сокращениями, не искажающими его смысла.

«Уважаемая редакция!

Следует особо отметить, что рисунок Г. и В. Караваевых на тему стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тамара» является оскорбительным для Грузии и совершенно ложным по замыслу. Конечно, грузинская царица Тамара вовсе не нуждается в моей защите от нелепых нападок, и я не об этом забочусь. Мне просто жаль авторов рисунка в их тошнотворном злобствовании и совершенно невероятной безграмотности. Именно последнее толкает меня на человеколюбие и желание помочь бедолагам разобраться в их собственной национальной поэзии.

Дело в том, что в стихотворении «Тамара» Лермонтов вовсе не имел в виду грузинскую царицу Тамару. Он просто использовал в своем творчестве одно из самых распространенных в Грузии женских имен. То, что «Тамара» не имеет никакого отношения к царице Тамаре, пояснено в собрании сочинений Лермонтова (издательство «Правда», 1969). В примечании к стихотворению сказано: «В основе стихотворения — грузинская народная легенда о царице Дарье, жившей в старинной башне на берегу Терека».

Должен признаться, что и это примечание ни в чем меня не убеждает. Про царицу Дарью я не слышал. Во всяком случае, в издательстве «Правда» считают, что царица Дарья легендарная, то есть вымышленная личность, тогда как царица Тамара — историческая действительность и их путать не следует так же, как не следует путать Богородицу с яичницей. Похоже на то, что художники Г. и В. Караваевы Ивана Грозного — одного из мудрейших правителей России — могут изобразить в штрихах Иванушки-дурачка.

И все же главная нелепость заключается в совершенно ином. Дело в том, что Лермонтов не знал грузинского языка и, естественно, не мог быть знаком с грузинским фольклором. Но он прекрасно владел французским языком и даже стихи сочинял по-французски.

При этом условии он мог быть широко знаком с французской литературой. Совершенно не исключено, что Лермонтов знал и легенду о французской высокопоставленной особе, действовавшей так, как это описано в стихотворении «Тамара». Иначе говоря, красивую французскую повесть-легенду поэт перевел на русский язык, сменил место событий на Дарьяльское ущелье и окрестил главное действующее лицо царицей Тамарой. Нетронутым он оставил лишь сюжет повести.

Вот и вся премудрость!

В таком поступке писателя с авторских позиций нет ничего необычного и преступного. И это ничуть не удивляет. Удивляет лишь то, как используют подобный материал такие злобные и ограниченные в своих познаниях люди, как Г. и В. Караваевы...

Об изложенном случае Грузинское телевидение с возмущением передало 21 марта 1991 года и высказало целесообразность о привлечении к судебной ответственности незадачливых карикатуристов за оскорбление грузинской национальной исторической личности, а также сочло необходимым потребовать от «Союзпечати» прекращения реализации журнала «Крокодил» в пределах территории Республики Грузия.

Считаю, что эти намерения совершенно оправданы и справедливы.

С уважением

М. И. ВАЗАРАШВИЛИ, г. Тбилиси».

Уважаемый господин Вазарашвили!

Разрешите поблагодарить вас за эмоциональное, умное письмо и за приложенную к нему прекрасную репродукцию с изображением царицы Тамары.

Хочу сказать вам, что я полностью согласен с вами — вы совершенно правы. Безусловно, Лермонтов в своем стихотворении вовсе не имел в виду грузинскую царицу Тамару (1184—1213). Характеристика, данная поэтом своей героине, полностью исключает это предположение («Как демон, коварна и зла»). То, что прообразом лермонтовской Тамары является некая Дарья, меня тоже, как и вас, не убеждает (хотя на Дарью ссылаются не только издательство «Правда», а и предыдущие академические издания). Давайте примем вашу версию о французской легенде.

Правда, ваши слова, что Лермонтов, не владея языком, не мог знать грузинского фольклора, меня несколько смущают. Поэт, посвятивший весомую часть своих произведений Кавказу, живший и погибший там, не мог не интересоваться истоками творчества народов, населяющих этот край. Существуют же толмачи! Я, знающий лишь русский язык, тем не менее знаком и с Манасом, и с героями «Калевалы», и с Ходжой Насреддином. О легендах своих народов мне поведали великие Гомер, Руставели, Лонгфелло. И даже прочтя ваше письмо,— вот я уже узнаю легенду о французской высокопоставленной особе. А я (как, возможно, и вы) не знаю французского!

Но, повторяю, я принимаю вашу любопытную версию.

«В таком поступке писателя нет ничего необычного и преступного»,— констатируете вы. Снова подтверждаю полнейшее согласие с вами. Действительно, нелепо думать, что, например, египтяне оскорбились бы произведением Пушкина «Египетские ночи», где он приписывает царице Клеопатре примерно те же поступки, что и Лермонтов — своей Тамаре.

Но если Лермонтов своим стихотворением не мог оскорбить Грузию, почему ее могли оскорбить художники, рисуя именно на тему лермонтовской «Тамары» (и вы это подчеркиваете в первой фразе своего письма), и, конечно же, совершенно не имея в виду ее тезку — конкретную историческую правительницу Грузинского государства? Тут, мне кажется, упрекать Г. и В. Караваевых в «совершенно невероятной безграмотности» нельзя. Вы их называете «ограниченными в своих познаниях». Но ведь и мы с вами тоже ограничены в познаниях, не так ли? Как же в данном случае не хватает нам мудрости и знаний навсегда ушедшего от нас Ираклия Луарсабовича Андроникова!

И еще с чем мне трудно согласиться — это с эпитетами «злобные» и «злобствующие» по отношению к художникам. Галину Караваеву я знаю ровно сорок пять лет, Валентина — более тридцати лет. Поверьте мне — это исключительно доброжелательные, открытые, веселые люди. И талантливые. Они — участники 45 международных выставок карикатуры (золотая медаль на Кубе, серебряная — в Японии). За рубежом состоялись три персональные выставки художников, вышло две монографии. Скульптуры и гравюры Караваевых по произведениям Салтыкова-Щедрина находятся в музеях писателя в Твери и Вятке. Валентин Караваев, режиссер студии «Союзмультфильм» — лауреат премий трех международных фестивалей за фильмы «Премудрый пескарь», «Муму» и «Похождения блудного попугая». Он не только режиссер-постановщик, но и автор сценариев знаменитого сериала о попугае Кеше.

Работали супруги Караваевы и в Тбилиси, в студии «Грузия-фильм».

Если вы будете в Москве, буду рад познакомить вас с ними и уверен, что вы измените свое мнение о «незадачливых бедолагах».

Действия Грузинского телевидения я критиковать не намереваюсь: ему виднее, как себя вести. Однако, мне кажется, что любой человек волен выбирать себе чтение по душе. Я, например, не согласен с позицией газеты «Советская Россия» и поэтому не покупаю ее, но вместе с тем уважаю право других людей на чтение этой газеты.

Такое уже было. «Все, как один», мы клеймили Ахматову и Зощенко, Пастернака и Солженицына. А потом ночами читали их произведения в исполнении «самиздата».

Тот ли это путь для демократической республики?

Думаю, нелишне сказать здесь, что журнал «Крокодил» связывают с Грузией давние и добрые отношения, которые не зависят от конъюнктуры и исключают неуважительность и предвзятость. Мы со своей стороны будем сохранять эти отношения, надеясь на взаимность.

С искренним уважением, С. СПАССКИЙ.

ВОТ ЭТО ДА!

РЕМОНТНО-МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД «СЛАВЯНСКИЙ»

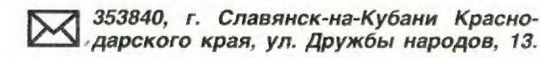
ПРЕДЛАГАЕТ

- **передвижные насосные станции СНП 75/100,**
- **тракторные прицепы 2ПТС-4 модели 887Б с емкостью кузова 10 м^3,**
- **автопоилки ПА-1А.**

ЦЕНЫ НЕ ВЫШЕ ПРЕЙСКУРАНТНЫХ!

Завод имеет возможность доставить технику автомобильным или железнодорожным транспортом.

353840, г. Славянск-на-Кубани Краснодарского края, ул. Дружбы народов, 13.

Ремонтно-механический завод «Славянский».

DO YOU SPEAK ENGLISH?

Если нет, Латвийский ПК предлагает вам высокоэффективный КОМПЛЕКТ ЛИНГАФОННОГО КУРСА интенсивного изучения разговорного английского языка: компакт-кассеты и учебники. Курс разработан БРИТАНСКИМ ЛИНГАФОННЫМ ИНСТИТУТОМ в ЛОНДОНЕ. Курс озвучивали профессиональные английские дикторы. Занятия возможны БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ ЯЗЫКА! Благодаря уникальной методике курс позволит вам изучить язык в доступной форме СОВЕРШЕННО САМОСТОЯТЕЛЬНО!

Комплект высылается наложенным платежом в течение двух дней со дня получения заказа по телефону. Курс могут заказать как частные лица, так и ОРГАНИЗАЦИИ!

ВЛАДЕЯ АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ, ВЫ ЛЕГКО НАЙДЕТЕ РАБОТУ ЗА РУБЕЖОМ!

ЖЕЛАЕМ ВАМ УСПЕХА!

Телефоны в Риге: 325-955 (7.00—17.00), 592-835 (7.00—20.00), 585-406 (7.00—13.00) ежедневно, кроме ВОСКРЕСЕНЬЯ. Время московское. Код г. Риги: 0132.

«РОСПОСЫЛТОРГ» ПРЕДЛАГАЕТ

медицинские приборы для лечения в домашних условиях

- **Прибор для измерения артериального давления — ИАДМ-П (цена — 28 рублей 20 копеек).**
- **Портативные электронейростимуляторы для снятия болей травматического или неврологического происхождения**
  - **ЭТНС-100-1 (цена — 60 рублей)**
  - **ЭТНС-100-2 (цена — 84 рубля)**
  - **«Элеан» (цена — 35 рублей).**
- **Прибор для электростимуляции анального сфинктера при недержании мочи или кала у больных с неуправляемыми актами мочеиспускания и дефекации — ЭСМП-15-1 (цена — 56 рублей 16 копеек).**
- **Противопылевой респиратор «ЛОЛА» для предотвращения попадания в органы дыхания вредных для организма аэрозолей и снижения вероятности инфекционных и аллергических заболеваний (цена — 60 копеек).**

ВНИМАНИЕ!
Медицинские приборы заказывайте только после консультации с врачом.

Заказы направляйте по адресу:
601913, г. Ковров Владимирской области, ул. Колхозная, 61. «Роспосылторг».

ПОСТУПАЮЩИМ В ВУЗЫ

предлагаются пособия для заочного обучения СОЧИНЕНИЯМ, в которых собраны сочинения-образцы на типичные темы, а также рекомендации и советы к экзаменам.

Имеются три пособия:
№ 1 — это в основном сочинения по программным произведениям;
№ 2 — здесь больше сочинений по современной литературе: «Дети Арбата», «Плаха», «Жизнь и судьба», «Белые одежды», романы В. Пикуля и целый ряд других;
№ 3 — это обзор новинок литературы, сочинения о перестройке, о молодежи, об экологии, антисталинская, нравственная и другие темы в современной литературе.

В каждом пособии 9—12 полных сочинений, не считая отрывков. Темы нигде не повторяются.

Цена одного пособия — 25 рублей. Оплата при получении на почте.

Заказы присылать лучше на открытках по адресу: 400067, г. Волгоград, п/о 67, кооператив «Учитель». ☎ 42-41-69.

«СПОЕМ ПОД ГИТАРУ» —

так называется ежемесячная серия сборников, в первом из которых — 50 песен

Виктора ЦОЯ

с аккордами для гитары. В июле выйдет сборник песен А. РОЗЕНБАУМА, далее — В. ВЫСОЦКОГО, Ю. ЛОЗЫ, А. МАЛИНИНА.

Если же вы знаете маловато аккордов, вам поможет пособие, где показаны 204 аккорда для шестиструнной гитары, каждый — в пяти приемах. Пособие содержит рекомендации по подбору аккордов к песням и транспонированию (переход в другую тональность).

Стоимость сборника — 20 руб., пособия — 12 руб.

Для их получения вышлите деньги почтовым переводом по адресу: 390046, Рязань, филиал сбербанка № 117, счет № 279637, Гуськову И. Н.

Квитанцию перевода, конверт с обратным адресом и заявку отправьте по адресу: 390035, Рязань, а/я 67.

ПРОДАЮТСЯ клапаны к 8-й и 9-й моделям ВАЗ, 400 рублей комплект. ☎ 498-27-15, 477-63-02, 902-54-83, 902-54-81, 259-91-84. ✉ 123592, Москва, ул. Катукова, 20-1-114. Кривель О. Б.

Крокодил предлагает свои страницы для рекламы любых товаров и услуг, любой промышленной и бытовой продукции, для любой деловой информации!

Цена публикации — пока не рыночная. Оформление, сделанное художниками «Крокодила»,— пока бесплатное.
СПЕШИТЕ!!!
Справки по телефонам: 212-13-59, 251-31-40.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

По всем вопросам, возникающим в связи с рекламными объявлениями, редакция просит обращаться непосредственно к рекламодателям.